

АЛЕКСАНДР ГОРИН

МЕНТАЛИСТ
2

Александр Горин

Менталист 2

«Автор»

2026

Горин А.

Менталист 2 / А. Горин — «Автор», 2026

Я был элитным оперативником Центра психической безопасности, погиб на операции и оказался в теле унижаемого аристократа в ослабевшем роду. В этом мире магия разума и воли — основа власти, а мое сознание — аномалия, за которым охотятся Тайная Канцелярия и Волевые дома. Ошибаетесь, господа. Охотиться буду я.

© Горин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Горин

Менталист 2

Название: Менталист 2

Автор(-ы): Александр Горин

Ссылка: <https://author.today/work/520358>

Глава 1

— Поскольку вы отказались от цивилизованной процедуры, — заключил глава Департамента Тайной Канцелярии Строганов, — я вынужден применить принудительное изъятие. Жаль. Часть данных неизбежно пострадает.

Холодная воля Строганова обрушилась на комнату абсолютным давлением. Воздух в архиве стал тяжелым и вязким.

Подавление. Фоновое ментальное давление выросло в десять раз. Каменные стены нависли, потолок пополз вниз. Сознание начало буксовать, мысли вязли, как в густом меду.

Мой «Кокон» сработал на автопилоте, выбросив слой «Шум», который тут же утонул в этой всепоглощающей густоте, как в вате. Защита не работает. Это другая атака, не на пролом, а на удушение. Нужно не защищаться, а разрушить условия.

Я на секунду закрыл глаза, отсекая ложные ощущения. Боль в висках, давление в груди — это иллюзия, порождение его техники, а не реальность. Он изменил свойства пространства вокруг, настроив их на резонанс с моим собственным ментальным полем. Гениально и просто. Чем сильнее я буду сопротивляться, тем больше буду сам на себя давить.

Значит, сопротивление бесполезно. Нужно согласие.

Я сделал то, что противоречило всем инстинктам. Я отпустил «Кокон». Полностью. Свернул свою волю в точку, растворил ментальное присутствие, активировав «Безмолвный шаг» на максимум. Я стал пустотой внутри созданного им давления.

Ощущение падения в колодец, ледяной ужас самоуничтожения.

И давление рухнуло. Ему не на что было давить, воздух снова стал просто воздухом. Резкий, болезненный вдох, как после долгого удушья. Бешеный стук сердца.

Я открыл глаза и увидел, как Строганов смотрит на меня с холодным удовлетворением.

— Интересно, — произнес он. — Полное самоуничтожение поля как контрмера. Нестандартно, болезненно, но эффективно. Значит, источник вашей силы не в объеме воли, а в управлении ее отсутствием. Как у шпиона, как у «тени».

Он сделал шаг вперед. Его собственная воля, до этого растворенная в пространстве, собралась в единое, плотное образование.

— Покажите, как вы атакуете, — сказал он с металлом в голосе. — Или я разберу вашу жену на составные части, чтобы понять, что в ней такого особенного.

А вот это подлю. Его ментальный щуп, тонкий и невероятно острый, ринулся к бессознательной Ладе. Он собирался вскрыть ее сознание, как книгу, прочитать каждую строку, разобрать на атомы.

Холодная, сфокусированная как луч лазера, ярость заполнила меня с ног до головы. Перед глазами поплыли пятна, мои кулаки сжались.

Ты перешел грань, Строганов. Я размажу тебя по стенам.

Уничтожить. Применить “Молот”.

Стоп! Он провоцирует тебя. Убивать нельзя. Обнулять сознание — тоже. Он глава Департамента Тайной Канцелярии и если с ним что-то случится, то будут копать по полной и абсолютно точно доберутся до меня. Нужно действовать по-другому.

Мои мысли неслись с бешеной скоростью. Нужно выбить из него самую память об этом моменте. Стереть интерес, переписать угрозу в нечто иное. Это сложнее, чем убить, в тысячу раз сложнее. План. Нужен план.

Щуп Строганова уже касался поверхности сознания Лады. Я почувствовал, как ее беззащитное поле дрогнуло под холодным прикосновением.

Адреналин залил все мое тело. Нет времени. Действовать.

Мой собственный щуп, отточенный годами сканирования в Центре, вышел навстречу и встроился в его канал, стал его частью, синхронизировался с его частотой.

На мгновение я увидел то, что видел он: хаотичные, яркие вспышки памяти Лады, боль, страх, светящиеся оковы чужой воли. Ее боль была в меня эхом. Игнорировать. Дальше.

В этот момент синхронизации я послал по общему каналу закладку — микроскопический пакет данных, сформированный из двух слухов, которые рассказал мне бывший чистильщик Тихон. Факты, упакованные в холодный, безоценочный тон, идентичный его собственному.

«Известно, что ваша супруга, Елена Строганова, содержится в изоляции в родовом имении против ее воли после инцидента с вашим чрезмерным применением техники «Ледяная спираль». Диагноз — необратимое ментальное расстройство. Ваш личный архив содержит картографические материалы, скопированные из архивов Канцелярии и относящиеся к периоду до Регуляции, с акцентом на уничтоженные геопсихические аномалии. Цель сбора данных установлена как личное изучение.»

Я вложил в посыл абсолютную уверенность в этих данных, как будто они уже давно лежат в досье на него. И добавил в самый конец, уже на отключении канала, легкий, почти незаметный эмоциональный пакет данных.

Его щуп дернулся и отскочил от Лады, как от раскаленного металла. В его ровном, как маска, лице на миг появилось что-то живое. Шок. Растерянность. Есть попадание.

Он увидел, что его самые охраняемые тайны не просто известны — они выложены перед ним, как на ладони. Его монолитная уверенность дала первую, микроскопическую трещину.

Первая цель — нарушить его оперативную картину мира — достигнута. Внутри — ледяное удовлетворение.

— Любопытно, — произнес он, и его голос впервые потерял абсолютную ровность. В нем появилась тонкая, стальная ниточка напряжения. — Источник?

Он не отрицал — он спрашивал об источнике утечки, и это уже было поражением. Хорошо.

Значит, я на правильном пути. Мой план сейчас — не уничтожить Строганова, а заразить его ложными данными, изменить его логику изнутри. Я должен вскрыть его защиту знанием его слабостей; вшить в его оперативную память новую директиву: «Этот объект не представляет угрозы. Он — рядовой инцидент. Он — скучная рутина». Это единственный способ выжить самому и защитить своих.

Я не ответил на его вопрос. Вместо этого я активировал то, что подготовил, пока он был занят Ладой. Используя пластину со «слепком» архива Багрецовых, я нашел в ней энергетическую подпись системы охраны и направил на нее резонансный импульс, чтобы создать иллюзию внешнего сканирования. Ощущение, что на это место, прямо сейчас, направлен мощный пси-сканер со стороны Канцелярии. Со стороны Любищева.

Воздух в архиве завибрировал чужим, давящим вниманием. Строганов непроизвольно откинул голову, его взгляд на миг стал отсутствующим. Он проверял, не галлюцинация ли это, не моих ли это рук дело. Не моих, я сделал это через матрицу защиты самого архива, через ее родные алгоритм и это чувствовалось как настоящий внешний аудит.

Его лицо стало еще холоднее. Раздражение. Его планы на тихое, незаметное изъятие рушились. Если здесь сканируют сверху, значит, операция скомпрометирована.

Вторая цель — создать внешнюю угрозу его операции — достигнута. Он в ловушке.

— Вы пытаетесь загнать меня в угол, — констатировал он. Теперь в его голосе звучало легкое раздражение. — Это ошибка.

Он сменил тактику. Давление в комнате, которое было густым и вязким, внезапно сжалось, сфокусировалось в одну точку — в меня.

Внимание. Внедрение.

Перед моими глазами поплыли образы. Пол из холодного камня архива слился со светлым паркетом квартиры в Москве. А в центре этого наложения реальностей, на полу, лежала не Лада, а Настя, моя жена. Ее глаза были открыты и пусты, на виске темнело багровое пятно. Так же, как я нашел ее в тот день.

Воздух вырвался из моей груди со свистом. Сердце остановилось, потом забило с бешеной силой. Древняя, первобытная боль, которую я держал в стальном сейфе памяти, взломала все замки и хлынула наружу.

Реальность поплыла. Я отшатнулся, ударившись спиной о край каменного постамента.

— Смотри, — раздался ровный голос Строганова. — Ты слабак, ты не смог ее защитить.

Ярость. Белая, ослепляющая, всежигающая ярость. Она поднялась из самого нутра, сметая на своем пути все — и боль, и расчет, и осторожность. Чистая энергия разрушения.

Строганов стоял неподвижно, наблюдая. Он нашел мою самую глубокую трещину и влил в нее яд. И уже во второй раз, знает куда бить.

Использовать. Не подавлять. Направить.

Весь этот чудовищный поток боли, вины и бессилия я обернул вокруг своего ядра, создав из него новую ментальную защиту — “Крепость”, в которой в качестве стен была моя ненависть ко всему, что отнимает у меня близких.

Иллюзия Насти на полу дернулась и рассыпалась, как дым. Она не могла пробить эту новую стену, потому что она была сделана из самой памяти о ней.

Я поднял голову.

— Это не слабость, Строганов, — это мое оружие.

В его глазах мелькнуло нечто, похожее на профессиональное изумление.

— Интересно, — тихо произнес он и сразу же нанес серию ударов.

Сгусток чужой воли, плотный и тяжелый, как свинцовый шар, вонзился в энергетический центр у основания моего позвоночника. Боль ударила по ногам, заставив их подкоситься.

Я сработал на автопилоте. Активировал «Зеркальный Заслон» из Волеведения, но выстроил его по схеме своего «Зеркала» — для рассеивания и перенаправления. В пик удара я отпустил контроль над атакованным энергетическим центром, позволив силе Строганова хлынуть в пустоту. Одновременно я открыл канал Всеначальной Энергии, направив чистый поток на промывку центра.

Вихрь боли внутри. Держать контур.

Чужая сила и внешняя энергия столкнулись во мне, создавая короткий, мучительный вихрь. Мое «Зеркало» отразило часть удара обратно рассеянным веером.

Строганов заметно вздрогнул, почувствовав отдачу. Его взгляд стал острее. Он удивлен. Хорошо.

— Перенаправление через самоопустошение, — отметил он, и в его голосе снова появилась эта ледяная аналитичность. — Примитивно, но эффективно.

Второй его удар пришелся в энергетический центр солнечного сплетения — центр воли, эмоций, жизненной силы. Удар был тоньше, острее, он был направлен на то, чтобы выжечь из меня способность сопротивляться.

Боль была огненной, разрывающей. Дыхание перехватило. Не могу вдохнуть. Паника. Подавить.

Я снова открыл энергетический центр, принял удар, смешал чужую волю с потоком Всеначальной энергии и отразил сгусток обратно в инквизитора.

— Попробуй перевари это, — прошипел я сквозь стиснутые зубы.

Выброс, мутный от смешения наших сил, рванулся к нему, неся в себе хаос и обратную связь его же атаки. Но Строганов даже не пошевелился. Перед ним, будто из самого воздуха, сложилась сложная, многослойная ментальная конструкция, напоминающую активную воронку, слоистый конус, вращающийся с невероятной скоростью.

Мой отраженный удар врезался в этот конус. И был поглощен. Не отражен, не рассеян, именно поглощен.

Конструкция дрогнула, на ее поверхности пробежали быстрые, как молнии, разряды — она переваривала чужеродную энергию, разбираала ее на составляющие, структурировала и гасила. Через секунду от атаки не осталось и следа.

— Усиленный «Поглотитель эха», — снова констатировал он. — Стандартная техника высшего уровня. Против нее грубая сила бесполезна.

Идея блестящая — превратить защиту в насос. Мне это нужно: слабость зависит от внешней энергии. Нужен чертеж техники.

Третий удар нацелился в горло — ледяная боль парализовала голос. Не могу крикнуть, не могу дышать.

— Последний удар, — произнес Строганов. — Стоит сдаться.

Я пропустил удар в пустоту, а затем потоком чистой энергии вымыл его наружу. Из горла вырвался хрип. Отраженный заряд ударил в Строганова, и в тот самый миг, когда его защитная «воронка» развернулась, чтобы поглотить обратный удар, я активировал «Взгляд Орла» на максимум.

Боль в глазах, как от вспышки. Вижу!

Моё сознание, отточенное на сканировании пси-архитектур, зафиксировало все детали: энергетические спирали, втягивающие чужую силу, слои фильтров, дробивших её на компоненты, узлы-накопители, куда всё это уходило. Это длилось мгновение — меньше чем вспышка, — но мне хватило. Чертёж в памяти — мой.

Я стоял, тяжело дыша. Легкие горели, все тело дрожало от напряжения.

— Не последний, — выдавил я хриплым, сорванным голосом.

Строганов смотрел на меня с непониманием, даже не подозревая, что только что показал мне устройство своего главного щита. Он видел лишь, что его удары не работают, а я уже планировал, как скопировать и улучшить его же технику.

Это была не победа силой. Это была победа принципом. И это бесило его куда больше, чем если бы я просто контратаковал.

— Довольно! — его голос впервые прозвучал резко, с металлической нотой. Не приказ, а констатация того, что ситуация вышла из-под контроля: энергетический всплеск мог привлечь внимание по-настоящему. Его глаза метнулись к выходу, затем ко мне — в них уже не было холодного изучения, была переоценка угрозы в реальном времени.

— Хватит игр. Пора заканчивать.

Он решил закончить одним, решающим ударом — комбинированным, физическим и ментальным одновременно. Его воля сформировала «Ледяную Спираль» — ту самую, что, по слухам, свела с ума его жену: технику медленного, неотвратимого сжатия и замораживания сознания. И одновременно он сделал резкий шаг вперёд — его рука с раскрытой ладонью рванулась ко мне, чтобы наложить физический контакт, усугубляющий эффект. Он больше не сдерживался.

“Спираль” обрушилась на меня. Холод — такой пронзительный, что он обжигал. Ощущение, будто мозг замораживают в блоке льда: мысли замедляются, воля цепенеет, а рука всё приближается — я не могу пошевелиться. А его рука была уже в сантиметрах от моего лица.

И тут сработала микроскопическая закладка, посланная вместе со слухами о его жене. Она была не просто информацией — а якорем, эмоциональным триггером, привязанным к образу его жены Елены, к его чувству вины и к его страху повторить ошибку.

В момент его максимальной концентрации, когда он выпускал «Ледяную Спираль», я активировал этот якорь — мой последний патрон.

В его сознании, поверх моего лица, на долю секунды наложилось ее лицо. Лицо его жены, каким он, возможно, видел его в последний момент перед тем, как сломать. И вместе с образом пришла волна того самого, загнанного в самый дальний угол души, ужаса от содеянного.

— Нет... — сорвался с его губ короткий, прерывистый звук, больше похожий на стон.

Его рука дрогнула и остановилась в сантиметре от моей кожи. «Ледяная Спираль» споткнулась, потеряла фокус. В его глазах, широко открытых, отразился не я, а его собственное прошлое. Он уязвим. Сейчас!

— Прощай, Строганов, — прошептал я, и в голосе была не ярость, а холодная, безжалостная решимость.

И в этот миг полной, пусть и кратковременной, дезориентации я нанес свой удар “Санитаром” для перезаписи. Вся оставшаяся воля в один точечный укол.

Мой тончайший шуп вошёл в брешь его защиты, пробитую его же собственной эмоцией. Я не пошёл вглубь, не трогал его память, его личность — я нашёл тот самый свежий, ещё горячий след: ментальный комплекс нашего противостояния здесь, в архиве, его интерес ко мне как к аномалии, его решимость изъять меня.

И я начал стирать — аккуратно, точно. Не сам след, а эмоциональную и целеполагающую окраску с него. Я выжигал интерес, выпаривал целеустремленность, притуплял остроту угрозы, заменяя их на нейтральные, скучные паттерны: «рядовой инцидент», «незначительная аномалия», «отсутствие оперативной ценности на данном этапе», «приоритет — наблюдение». Я вплетал в этот след усталость, желание поскорее закончить эту рутину и вернуться к своим настоящим, важным проектам — к тем самым картам аномалий.

Это была ювелирная работа под огнем: его сознание уже оправлялось от шока, «Ледяная Спираль» снова начала сжиматься, а его рука дрогнула и снова поползла ко мне.

Боль возвращается. Концентрация дрожит. Еще секунда.

— Забудь, — мысленно произнес я последнее внушение.

Я вложил в финальный штрих перезаписи последний аргумент — связку с Любищевым. Идею, что доложить об этом инциденте сейчас — значит привлечь ненужное внимание начальства и коллег к его, Строганова, личным изысканиям. Лучше забыть. Стереть. Как незначительный эпизод.

Я разорвал контакт. Внутри — выжженная пустота и оглушительный звон в ушах. План реализован. Я сделал все, что мог.

Строганов замер.

Глава 2

Рука инквизитора медленно опустилась, его «Ледяная спираль» рассыпалась. Он стоял, глядя сквозь меня; его лицо было странно пустым, будто он что-то усиленно вспоминал, но не мог. Он медленно провел рукой по лицу, словно стирая паутину.

Прошло десять секунд. Пятнадцать. Двадцать.

Он наконец сфокусировал взгляд на мне. В его глазах была усталость, легкое, почти невыразимое раздражение — как от затянувшейся, бессмысленной бумажной работы.

— Хорошо, — произнес наконец Строганов, и его голос снова стал ровным. — Вы прошли все испытания.

Сработало мое ментальное внушение или нет? По виду как будто да, но говорит он о чем-то другом.

— Испытания?

— Да, — Строганов кивнул; его взгляд скользнул по Ладе, по кристаллу, вернулся ко мне. — Теперь вы готовы к настоящей игре. И я удовлетворен. Все это было не зря.

Он сделал небольшую паузу, словно собираясь с мыслями для краткого отчета.

— Обряд Багрецовых, — начал Строганов методично. — Его цель — перезапись воли через кровь, подчинение нового носителя родовым шаблонам. В обряде стирается «я» человека и замещается родовым. Вы продемонстрировали, что ваше «я» не является монолитным. Вы можете его разделять, прятать, делать пустым. Теперь я знаю: обряд вас не лишит ваших уникальных способностей. Он может их даже усилить, если вы правильно подготовитесь. Поэтому я разрешаю вам его пройти.

Про наше столкновение забыл, говорит про обряд. Хм, он разрешает мне его пройти. Интересная формулировка. Строганов перестал смотреть на меня и уставился в пространство.

— Сделайте вот так. Первое. Создайте ложное ядро, — произнес он так, словно диктовал техническое задание. — Пусть это будет максимально точная копия вашей текущей личности, ваших воспоминаний, даже ваших страхов. Вложите в него максимум энергии. Это будет приманка.

Он все так же стоял, глядя в пустоту, а пытался понять, зачем он мне это говорит.

— Второе, — продолжил Строганов. — Истинное ядро, ту самую сердцевину, что делает вас аномалией, сверните в точку. Спрячьте за семью замками. Используйте для этого принцип «воронки», который вы только что увидели, но наоборот — не для втягивания, а для сокрытия. Сделайте его черной дырой, невидимой для сканирования кровью.

План сложный, но ясный. Ювелирная работа с собственным сознанием. Опасно, но в его логике это имеет смысл. Нужно было только понять, какую выгоду он сам из этого извлечет.

— Третье, — его голос стал чуть тише. — В момент контакта кровей, когда приманку начнут стирать, не сопротивляйтесь. Помогите процессу, растворитесь в нем. Но установите ментальный триггер — связку между распадом ложного ядра и активацией защитного контура вокруг истинного. Когда ложное «я» будет уничтожено, ваше настоящее должно остаться в абсолютной пустоте. Это создаст иллюзию успешного подчинения и вы станете «чистым» зятем Багрецовых в их глазах, но внутри останетесь собой.

Стать призраком в собственной голове. Позволить им думать, что они победили. Это была его основная тактика, и теперь он учил меня тому же. Знакомо.

— Четвертое, — закончил он, и теперь его взгляд вернулся ко мне, уставший и пронзительный одновременно. — После обряда будет период интеграции — несколько часов или дней. В это время их кровь будет пытаться достроить новую личность на пустом месте. Вот тогда вы и активируете свое истинное ядро, позволив ему прорасти сквозь новую, уже частично сформированную кровью структуру. Вам нужно ассимилировать ее и вобрать в себя силу и

знания Багрецовых, не теряя себя. Это рискованно, но это единственный путь получить от этого союза силу, а не рабство.

Он посмотрел на меня, и в его усталых глазах на миг вспыхнул тот самый холодный интерес.

— Вы поняли?

— Да, — хрипло сказал я.

В моей голове уже строились схемы защиты, принципы обмана. Его совет был гениален в своем коварстве: это было руководство по ограблению целого рода — с их же разрешения.

— Хорошо. Сейчас вам стоит привести вашу супругу в чувство, а мы продолжим наш разговор позднее.

Строганов развернулся и направился в сторону выхода.

Я не мог в это поверить. Его совет был слишком ценным, слишком точным. Это не было нейтрализацией угрозы, это было больше похоже на передачу стратегического оружия. Никакая срочно сделанная ментальная закладка не могла заставить его выдать такое. Значит, либо он нашел ее и теперь мстит, ведя в смертельную ловушку, либо... Либо все, что только что произошло, имело для него какой-то иной, скрытый от меня смысл.

— Зачем? — спросил я. — Зачем вы все это говорите мне?

Строганов остановился у выхода, не оборачиваясь. Его плечи слегка поднялись и опустились в почти невидимом вздохе.

— Вам многое еще нужно узнать, Ярослав Григорьевич, — прозвучал его ровный, усталый голос. — Я свяжусь с вами после обряда. Когда вы будете стабильным активом.

И он вышел, оставив меня с гудящей от перегрузки головой и с одной мыслью: только что произошедшее не было ни моей победой, ни его поражением. Это был какой-то другой, третий вариант, правила которого мне еще только предстояло понять.

Мысли металась, пытаюсь осмыслить слова Строганова, но я откинул их в сторону. Не время. Анализ его мотивов подождет, нужно срочно выбираться отсюда.

Я посмотрел на Ладу. Она лежала неподвижно, бледная, как смерть. Я прикинул время: с момента нашего ухода с пира прошло, вероятно, около часа. Целый час. Гордей Багрецов — не тот человек, который будет терпеливо ждать и, скорее всего, его люди уже прочесывают дворец.

Я поднялся, чувствуя, как дрожат от напряжения мышцы и бросил последний взгляд на зал. Следы нашей схватки висели в воздухе, как дым после выстрела. Убрать.

Я активировал пластину со «слепком» архива и наложил чистый, эталонный энергетический шаблон этого места поверх наших свежих следов. Волевым усилием стер их, заменив нейтральным фоном. Работа тонкая и выматывающая — заняла полминуты. Но когда я закончил, от нашего присутствия не осталось ничего.

Готово, уходим. Я подошел к Ладе, наклонился и аккуратно подхватил ее на руки. Она была легкой, но ее безвольное тело казалось невероятно тяжелым. Ее голова упала мне на плечо, волосы пахли цветами.

Я крепче прижал девушку к себе и направился к выходу.

Перед дверью я на мгновение замер, мой эмпатический радар подсказал, что путь свободен. С трудом открыл тяжелую дубовую дверь. Вдалеке слышались голоса, здесь никого. Вышел, закрыл дверь, убрал свою петлю ложного сигнала. Никаких следов взлома, только энергетический шум, который сотрется в фоновых колебаниях через пару минут.

Теперь подготовка к встрече с Багрецовыми. Работаем.

Капилляры в носовой перегородке, мелкие сосуды. Точечное, резкое повышение давления в них. Терпимая боль, тепло на губе. Кровь. Не стираю, пусть течет.

Глаза. Сделать взгляд пустым, затуманенным шоком. Я слегка расфокусировал зрение, позволив мышцам глаз расслабиться, а в мысленный поток добавил хаотичные, обрывочные

образы — вспышки света, гул, чувство падения. Внешне это выглядело бы как сотрясение или глубокий психологический шок.

Дальше — энергетика. Я резко опустошил два периферийных энергетических центра, создав в теле зоны ошутимого энергетического голода, дрожи, слабости.

Ноги стали действительно подрагивать от искусственного и реального истощения. Через лабиринт коридоров я медленно нес Ладу ближе к жилым покоям, к зимнему саду — месту, куда мы якобы собирались. Мое дыхание было тяжелым и прерывистым. Мне не особо пришлось играть: я и правда был измотан до предела, мне оставалось лишь немного усилить внешние проявления.

Я вышел из узкого прохода в боковую галерею, ведущую к оранжерее. Здесь уже было светлее, были слышны отдаленные голоса. Место подходящее.

Я тяжело опустился на одно колено, спиной прислонился к холодной стене, крепче прижал к себе Ладу. На ее белое платье капала кровь из моего носа. Я прикрыл глаза, сделал лицо абсолютно пустым.

Ждать пришлось недолго. Через пару минут раздались быстрые, тяжелые шаги. Двое слуг в ливреях Багрецовых, запыхавшиеся, с тревожными лицами завернули в галерею. Они замерли, увидев нас.

— Господи! — вырвалось у кого-то из них.

Слуги бросились к нам. Первым подбежал коренастый мужчина с красным лицом, и маленькими испуганными глазами. За ним, тяжело дыша, приблизился высокий молодой парень. Я приоткрыл глаза, смотря сквозь них, будто не видя.

— Дар... — прошептал я хрипло, едва шевеля губами. Голос был сорванным, натуральным. — Ее дар... не сдержал... все белое...

Я покачал головой, будто пытаюсь стряхнуть кошмар, и снова обмяк, изображая полное изнеможение.

— Беги, зови господина! И лекаря! — закричал краснолицый слуга.

Молодой помчался по коридору, его сапоги гулко застучали по паркету. Краснолицый осторожно склонился над Ладой. Он боязливо потянулся к ее плечу, но так и не решился коснуться, словно она была из хрусталя. Потом переключился на меня.

— Господин, — осторожно тронул он мое плечо. — Вам помощь нужна?

Я медленно повернул к нему затуманенный взгляд. Внутри «Безмолвный шаг» работал на минимальном, фоновом уровне, скрывая ядро сознания. На поверхности я поддерживал хаотичный поток обрывков: свет... гром... не могу дышать... Лада... холодно...

— Воды, — выдавил я хрипло.

Он кивнул, вскочил и побежал по коридору вслед за молодым слугой. Я остался сидеть на холодном полу, чувствуя, как напряжение медленно уходит из мышц, сменяясь пустой, звенящей усталостью.

Вскоре я услышал тяжелая поступь, цоканье каблучков и шаркающие шаги. Я прикрыл глаза, смотря через ресницы.

Работаем.

В галерею ворвался глава рода Гордей Багрецов. Его лицо было искажено холодной яростью хищника, чью территорию нарушили. За ним, едва поспевая, шла Агриппина Петровна, ее черты заострились от беспокойства и злости. Следом семенил пожилой лекарь с деревянным ящиком в руках.

Гордей одним взглядом окинул ситуацию: окровавленный я с Ладой без чувств и белым лицом на моих руках. Его глаза, острые, как лезвия, впились в меня.

Агриппина коротко и пронзительно вскрикнула, бросилась вперед и упала на колени перед Ладой на моих руках.

— Лада! Дитя мое! — воскликнула она и ее руки потянулись, чтобы забрать дочь.

— Что случилось? — прогремел Гордей, его голос был густым от сдерживаемой ярости.
— Что ты с ней сделал?

Я заставил себя пошевелиться, сделав вид, что пытаюсь передать Ладу, но не хватает сил. Мой взгляд был расфокусированным.

— Ее дар... прорвался, — прошептал я хрипло. — В оранжерее... все стало белым, давило. Я пытался... погасить выплеск. Потом она... перестала дышать.

Я сделал паузу, глотая воздух, и посмотрел прямо на Гордея.

— Делал искусственное дыхание... пока сердце не забилося снова.... Не знаю, сколько времени прошло... голова гудит...

Агриппина, рыдая, осторожно взяла Ладу на руки, прижимая ее к себе. Ее ментальный щуп, дрожащий от эмоций, скользнул по дочери, а затем рванулся ко мне, ища следы лжи.

Я пропустил его, но наполнил периферию сознания хаосом, который демонстрировал последствия: обрывки ослепительного света, гулкое давление, физическое ощущение удушья, паники, а потом — монотонный, отчаянный ритм: вдох, выдох, вдох, выдох.

Лекарь, тем временем, поспешно опустился рядом с Агриппиной, оттесняя ее своим ящиком. Его старческие пальцы нашли пульс Лады на шее, приоткрыли ей веки. Он тут же расстегнул верхние пуговицы ее платья, чтобы облегчить дыхание, и его брови поползли вверх.

— Красное пятно, на груди, — пробормотал он, слегка надавив пальцами. — Совсем свежее, след от сильного давления. И шнуровка на корсете ослаблена, почти распущена.

Он повернулся ко мне, и в его усталых глазах читался профессиональный интерес, смешанный с тревогой.

— Вы говорите, делали дыхание рот в рот и компрессии? Сколько времени?

— Не знаю, — монотонно ответил я, глядя в пустоту и сжимая пальцы, будто пытаюсь вспомнить. — Минуты... три, может, больше. Пока грудь не поднялась сама. Потом она закашлялась, но не проснулась...

Лекарь кивнул, его собственный, слабый диагностический щуп скользнул по моему горлу, груди, диафрагме, а затем вернулся к Ладе, исследуя области вокруг пятна.

Затем его взгляд переметнулся на меня. Он наклонился ближе, внимательно разглядывая мое лицо, особенно виски и область вокруг глаз. Щуп лекаря снова переключился на меня и замер на мгновение. Глаза лекаря расширились, брови поползли вверх.

— Картина видится следующая, ваше сиятельство, — он повернулся к Гордею, указывая рукой сначала на пятно на груди Лады, а затем на мое лицо. — Здесь было длительное, ритмичное давление для восстановления сердцебиения. На нем — явные признаки мощного ментального выброса, как при внезапной атаке и мышечное истощение, как после тяжелой работы. Все совпадает: он получил мощнейший удар по воле, пытался подавить выплеск, затем долго реанимировал. Это объясняет оба состояния.

Он обвел всех глазами и сглотнул слюну.

— И еще ваше сиятельство... — понизив голос, продолжил лекарь. — Физическая реанимация — это одно. Но я читаю на ней следы повторяющиеся вливания чужой воли. Прямые, грубые инъекции жизненной силы в угасающие центры.

Он повернул голову ко мне, и в его взгляде читалось нечто вроде уважения.

— Вы... вы отдали ей огромную часть своей собственной воли, своей энергии. Вы буквально подпитывали ее душу, когда ее тело отказало. Без этого... она бы не выжила. Никакие компрессии не вернули бы ее. Вы ее удержали силой своей воли.

Агриппина резко подняла голову. Ее слезы внезапно высохли, сменившись леденящим, материнским ужасом. Она вцепилась в рукав лекаря.

— Скажи правду! — ее голос сорвался, став тонким и пронзительным. — Что с ней? Почему она не приходит в себя? Когда она очнется?

Лекарь вздрогнул от ее хватки. Он осторожно высвободил рукав и снова положил пальцы на запястье Лады, закрыв глаза в глубокой концентрации. Прошло несколько томительных секунд.

— Ее состояние... стабилизируется, — начал он медленно, с опаской. — Сердце бьется ровно, дыхание восстановилось. Но ее сознание... — он открыл глаза, и в них читалась беспомощность. — Оно ушло очень глубоко. Глубже обычного обморока. Я читаю активность, но она вялая, рассеянная, как туман. Это не похоже на естественный сон. И не похоже на классическую кому от повреждения. Это что-то среднее — вроде летаргического сна... Когда она очнется... я не знаю. Мозг и воля должны сами найти дорогу обратно. Никакая внешняя сила сейчас не поможет, а только навредит.

Агрипина замерла, ее лицо стало восковым от услышанного. Ее взгляд медленно переместился с лица лекаря на бледные черты дочери, а затем — на меня. В ее глазах смесь подозрения и вынужденного признания сменилась новой мыслью: а не я ли стал той самой «внешней силой», которая и загнала сознание дочери в эту бездну? У старшего Багрецова мой эмпатический радар считал примерно те же чувства.

— Твоя история не сходится, — произнес Гордей наконец, и его голос стал тихим. — На балу ты выстоял против трех стражей, ты выдержал атаки моего сына, Орлова, Волынского. А здесь, по твоим словам, пасуешь перед спонтанным выбросом неопытной девушки? Или ты просто решил, что моя дочь — удобный объект, чтобы списать на нее последствия своих собственных ментальных экспериментов?

Он сделал шаг ближе, и его щуп, тяжелый и неумолимый, впился в меня, выискивая малейшую фальшь.

— И главное... — он наклонился так близко, что я чувствовал его дыхание, а его щуп вонзился в меня с такой силой, что в висках застучало. — Если ты такой герой, если ты отдал ей часть своей воли и спас, то почему она до сих пор без сознания? Что ты на самом деле сделал с сознанием моей дочери?

Глава 3

Я медленно поднял на Гордея взгляд, не пытаясь сопротивляться его шупу. Моя голова гудела, но мысли текли с полной ясностью. Гордею нужно дать рациональное объяснение, Агриппину — растрогать, показать искренность и готовность защищать ее дочь. А потом — немного надавить на них обоих. Работаем.

— Мы были в оранжерее, — слабым голосом сказал я. — Я взял ее руку, чтобы помочь пройти по скользкой плитке, а она резко сказала «нельзя», отдернула руку и сразу же нанесла ментальный удар.

Я сделал короткую паузу и продолжил:

— Удар был такой сокрушительной силы, что он как будто... — я намеренно понизил голос, вложив в него сдержанное, почти смущенное напряжение, как будто боясь, что мне не поверят, — не принадлежал ей. Он был невероятно сильным и... древним. Как будто не она меня ударила, а... сам ваш род. И когда эта сила не смогла сломить меня, она развернулась и ударила ее саму... Так я почувствовал...

Гордей и Агриппина переглянулись — мгновенно, почти неуловимо. Они узнали это описание.

— Она погасла, как свеча на ветру, — тихо сказал я, глядя Агриппину. — Я до сих пор вижу перед глазами, как она падает и как я ловлю ее. Пытаюсь удержать, вливаю в нее свою волю — лишь бы вернуть ее обратно.

Агриппина замерла, в ее взгляде читалась внутренняя борьба — между подозрением и материнским инстинктом поверить в того, кто пытался спасти ее ребенка.

Пробил ее на нужные чувства, хорошо. Теперь старший Багрецов.

Я перевел взгляд на Гордея, и мой тон стал твердым, деловым.

— Подумайте логически, — продолжил я, чуть наклонив голову. — Мои резервы на нуле, ее поле стабильно. Это очевидно, ваш лекарь это подтвердил. Я спас жизнь вашей дочери от того, что вы в нее вложили. Мое слово и свидетельство лекаря вам должно быть достаточно. Но если вам нужны абсолютные, официальные доказательства, — произнес я четко и громко, чтобы слышали все в галерее, — пригласите инквизиторов Тайной Канцелярии. Александра Строганова, например. Уверен, его методы анализа ментальных следов позволят установить природу этой «древней» силы раз и навсегда. И определить, кто или что на самом деле представляет угрозу вашей дочери.

Воцарилась тишина. Гордей побледнел: мысль о том, чтобы позволить Строганову копаться в энергетике его дочери — и, что ещё хуже, в родовых защитных механизмах — явно приводила его в ужас. Агриппина вскинула на мужа испуганный, умоляющий взгляд.

Гордей Багрецов медленно выдохнул. Его взгляд, все еще острый, но уже лишенный прежней ярости, скользнул по мне, по Ладе, по лицу жены.

— Лекарь, — отрывисто бросил он, не сводя с меня глаз. — Распорядитесь перенести мою дочь в ее покои. Обеспечьте круглосуточное наблюдение. Графа — в гостевые покои. Приведите его в чувство любой ценой. Родовой обряд должен состояться сегодня.

Я прикрыл глаза, изображая попытку справиться с болью.

Набежали слуги, меня подняли на руки и понесли по коридорам. Я позволил своему телу обвиснуть, изображая полное истощение.

Меня уложили в постель в той же комнате, где я готовился к свадьбе. Лекарь начал свои процедуры — холодные компрессы, травяные настойки, слабые потоки успокаивающей энергии. Я покорно принимал все, продолжая изображать шок, но внутренне уже начинал перестраиваться.

Первый этап пройден, легенда принята. Теперь у меня было, возможно, пару часов до обряда, в котором меня хотят переписать изнутри.

За это время нужно незаметно восстановить хоть часть сил, спрятать истинное ядро и создать ложную личность-приманку, как проинструктировал Строганов. И все это — под прищуром лекаря и, возможно, невидимой стражи Гордея.

Я закрыл глаза, делая вид, что проваливаюсь в забытие. Первым делом я мысленно нащупал пластины со слепками архива Багрецовых, лежащих в кармане кафтана. В них была сила, знания, ключи. Минут десять я потратил, пытаюсь хоть что-то, что можно было бы использовать прямо сейчас.

Пластины отзывались гулом, похожим на отдаленное пение, и вспышками образов, лишенных смысла: страницы текста на забытом языке, схемы кровеносных систем, лица предков с пустыми глазницами. Информации слишком много, и вся она требовала спокойного, вдумчивого осмысления. Я рылся в этом хаосе, как слепой в кладовой, натываясь на обрывки, но не находя целого.

Многое было о крови, о ее чистке, о передаче наследственных признаков, но все это были теории, обрядовые формулы, а не практическое руководство по тому, как выжить, когда в тебя вот-вот волеют концентрированную сущность трех членов рода Багрецовых. На то, чтобы разобраться в этом, сопоставить, вывести алгоритм, потребовались бы месяцы. Пластины были сокровищем, но бесполезным в текущий момент — как ящик с золотом на тонущем корабле.

Не сейчас. Сейчас нужно выжить, восстановить силы.

Я начал с дыхания. Глубокий, медленный вдох через нос, задержка, тихий, растянутый выдох через чуть приоткрытые губы. С каждым циклом я пытался зацепить и втянуть микроскопические частицы Всеначальной Энергии, рассеянные в воздухе. Параллельно, в самом защищенном уголке сознания, я начал строить приманку. Ложный Ярослав. Он должен был быть идеальной жертвой...

За дверью донеслись приглушенные голоса и тут же в комнату, проталкиваясь мимо лекаря у двери, вошли Григорий Вячеславович и Владимир. Отец выглядел изможденным и на удивление решительным. Владимир же был бледен, его глаза метались по комнате, останавливаясь то на мне, то на охранниках в дверях.

— Отойди, — глухо сказал отец лекарю, и тот, пробормотав что-то, отступил.

Григорий Вячеславович опустился передо мной на одно колено, его рука тяжело легла на мое плечо. Его пальцы дрожали, но хватка была крепкой.

— Сын, — выдохнул он, вглядываясь в мое лицо. — Жив, цел. Слава Богу.

— Еле дышит, посмотри на него, — пробурчал Владимир, присаживаясь на корточки рядом. — Что они с тобой сделали? Говорят, Лада...

— Она жива, — прервал я его хриплым шепотом, переводя взгляд на отца, — но без сознания. Скоро обряд.

Григорий Вячеславович сжал губы, его глаза сузились.

— Знаю, — процедил он. — Гостям сказали, что молодожены плохо себя чувствуют, все потихоньку расходятся. Нам тоже скоро надо идти.

Он наклонился ближе, и его шепот стал едва слышным.

— Я не знаю, как они это будут делать, сын. Их ритуалы — темный лес. Но я знаю две вещи о нашей крови, о крови Нестеровых. Запомни их.

Я замер, все внимание сфокусировав на его словах.

— Первое, — прошептал он, и его пальцы впились мне в плечо, — наша кровь помнит состояние: состояние негибкости, состояние хранителя. Когда предки запечатлевали в кристаллах память, часть этой воли, этой твердости впечатывалась и в нас. Когда станет тяжело — найди внутри эту память, это ощущение. Ощущение скалы, которую ничто и никто не может сдвинуть. Стань этой скалой.

Я кивнул. Не техника, а принцип: вместо того чтобы сопротивляться, стать невосприимчивым. Полезно.

— Второе, — его голос стал еще тише, и он обернулся, бросая быстрый взгляд на дверь, — кровь Нестеровых... она не смешивается. Она архивирует. Мы храним слепки. В любом контакте наша кровь стремится не стать частью другого, а... сохранить его отпечаток в себе — как в кристалле. Если они действительно будут вливать в тебя свою кровь... используй это. Не пытайся стать ими. Позволь им войти... и запечатлей. Сделай внутри себя ловушку для их силы. Пусть они наполняют сосуд, не подозревая, что сосуд — это библиотека, которая классифицирует и запирает каждый влитый образец.

Во мне что-то щелкнуло. Гениально. Можно обратить их оружие против них же. Вместо того чтобы бояться перезаписи, превратить свое тело в живой архив, который сохранит чистые образцы воли Гордея, Агриппины, Лады... отдельно друг от друга. Не дать им слиться в единый командный комплекс внутри меня.

— Отец... — начал было я, но он резко сжал мне плечо.

— У тебя нет времени на вопросы, — отрывисто сказал он. Его глаза блестели. — Просто помни. Скала и архив. В этом наша сила: в негибкости и памяти.

Владимир, слушавший все это, тяжело сглотнул. Он потянулся и грубо хлопнул меня по колену.

— Ты вытянешь, Ярик, — пробурчал он, избегая моего взгляда. — Иначе я лично приду и всыплю тебе по первое число, понял?

А он изменился все-таки, переживает за меня. Это хорошо.

— Понял, брат, — ответил я, улыбаясь глазами. — Угроза серьезная, придется вытянуть.

Григорий Вячеславович медленно поднялся, его колени хрустнули. Он посмотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде была суровая, отеческая вера в сына.

— Возвращайся, сын, — сказал он громко, так, чтобы слышали у дверей. — Возвращайся графом Нестеровым, а не чьим-либо зятем. Нашу кровь не стирают — ее закаляют.

Отец развернулся и, не оглядываясь, вышел. Владимир потрепал меня по плечу и последовал за отцом. Дверь закрылась.

Я остался один. Внутри, поверх плана Строганова и моего расчета, легли два новых, прочных фундаментальных блока: скала и архив. Оставшееся время я потратил на перестройку плана и на сложнейшую работу мысленного моделирования двойников Ярослава.

Где-то через полчаса дверь снова открылась без стука.

Первым вошел человек, которого я видел лишь мельком в его свите. Сухой и длинный, как палка, с лицом, испещренным темными ритуальными шрамами, и мутно-янтарными глазами, смотрящими сквозь тебя. Жрец, похоже, именно он будет пускать мне кровь. За ним, отступив на полшага, проследовал сам Гордей Багрецов в парадном, темно-бордовом кафтане, расшитом серебряными узлами-оберегами.

Вошедший склонил голову в мою сторону, как мастер перед заготовкой.

— Граф Нестеров. Пришло время узнать ступени таинства, дабы ваша воля не возропала в час свершения.

Я медленно поднял голову, позволив в глазах отразиться немой вопрос и глухую покорность. Гордей наблюдал, не произнося ни слова, его взгляд был похож на щуп, сканирующий каждую мою мимическое движение.

— Вы будете приведены в Родовое Святилище, к Чаше Слияния, — продолжил жрец монотонным голосом. Его черные, невидящие глаза впились в меня. — В нее уже будет собрана квинтэссенция Дома Багрецовых. Кровь графа Гордея Семеновича — воля и власть. Кровь графини Агриппины Петровны — мудрость и связь. Кровь графини Лады — чистота линии и проводник.

Внутри, в самой глубине, мой холодный наблюдатель отметил: “Три источника. Совместная атака. Подтверждение.” Но на поверхности «ложный Ярослав» слегка дрогнул, его дыхание на миг участилось — как реакция на масштаб готовящегося.

— Ваша кровь, — продолжил жрец без всякого изменения интонации, — станет основой. Субстратом. Чаша будет возжжена. Резонанс единства отделит все чужеродное, все, что не есть истинный род. Огонь выжжет память чужака.

Резонанс. Огонь. Очистка субстрата. Мысли текли параллельно, анализируя каждый термин.

— Когда эссенции очистятся и сплетутся, рожденная субстанция вернется к вам. По каменным каналам она войдет в ваши жилы и заместит старую рознь новым единством.

Жрец выдержал драматическую паузу, его сухой палец указал на мою грудь.

— Вы станете плотью от плоти рода. Орудием рода. Примите это как милость, граф, и не сопротивляйтесь. Ибо то, что войдет в вас, будет сильнее вас. Кто закроет дверь — умрет. Новая кровь не потерпит старого сосуда.

Они снова замерли в ожидании. Гордей, казалось, ловил не только мои слова, но и биение сердца, расширение зрачков.

Я медленно, с видимым усилием, кивнул. Я позволил голосу сорваться на полуслове, вложив в него всю необходимую смесь страха и вынужденного смирения.

— Я... понял. Я готов.

Гордей наконец заговорил. Его голос был тихим, но каждое слово падало, как гири.

— Через полчаса. Тебя проводят. И помни, Нестеров, — его глаза сузились, — это единственный путь для твоего рода. Не упusti свой шанс.

Он развернулся и вышел. Жрец бросил на меня последний, безразличный взгляд и последовал за графом. Дверь закрылась. Тридцать минут. Надо распорядиться ими с умом.

Я остался в комнате один, если не считать незримого давления стражей за дверью. Я закрыл глаза и погрузился внутрь себя, в ту мастерскую, где только что закончил сборку хрупкого механизма обмана.

Первым делом — диагностика. Я мысленно прошелся по энергетическим каналам. Узы, те самые семь центров, работали на износ, но держались.

Я переключился на ложные личности — три сферы, вложенные друг в друга, как матрешка.

Первая сфера, внешняя — амбициозный, но слабый юноша, жаждущий признания. Я тронул ее мысленно: она отозвалась готовностью к жертве, страхом перед сильными. Годится.

Вторая, средняя — аналитик, пытающийся все понять, но подавленный авторитетом. Отозвалась холодком и желанием спрятаться. Тоже хорошо.

Третья, внутренняя — эмоциональное ядро, влюбленное в образ Лады и мечтающее о слиянии. Отозвалась слепым доверием и готовностью раствориться. Идеальная приманка.

Истинное ядро — черная дыра, обернутая кристаллической решеткой архива. Никаких сигналов, полная пустота. Я не стал тревожить его: оно должно было спать до самого последнего момента.

Все было готово. Но что-то грызло изнутри — ощущение, что я упускаю кусок пазла.

Пластины.

Я снова, уже в сотый раз, мысленно коснулся трех холодных осколков обсидиана в кармане. Я искал след, энергетический отпечаток. Эмоцию создателя или частого пользователя. В архивах всегда остается что-то от тех, кто к ним прикасается. Я погрузил в пластины нечто вроде эмпатического радара, настроенного на самый глубокий, фоновый уровень.

И все-таки сумел пробиться. Я обнаружил чувство, вплавленное, как клеймо: леденящее одиночество и железная целеустремленность контролировать все вокруг. Это был Гордей, его

почерк — сам фундамент его личности, его движущая сила, отпечатанная на всем, к чему он прикасался.

Значит, так. Ядром в чаше будет воля Гордея — холодная, одинокая, абсолютная. Остальное — лишь добавки, чтобы сделать ее усвояемой. И главный удар ритуала будет направлен на мою волю, на самую мою возможность хотеть чего-то своего. Они будут ломать стержень, чтобы на его месте выросла новая — точная копия гордеевской и подчиненная ему.

Я открыл глаза. Внутри щелкнуло, встав на место.

Я внес точечную коррекцию в план. В первую ложную личность, в ту, что должна была принять удар «воли и власти», я вплет дополнительную нить — готовность признать ее правоту и жажду обрести такую же негибаемую силу — и служить ей. Чтобы в момент, когда воля Гордея начнет давить, она встретила не сопротивление, а зеркало. Чтобы слом моей воли выглядел не как поражение, а как добровольный выбор.

Это было рискованно, но иного пути я не видел. Чтобы обмануть хищника, нужно говорить на его языке. Чтобы украсть его силу, нужно сначала сделать вид, что поклоняешься ей.

Я выдохнул, сбрасывая последние следы сомнений. Механизм был собран, оставалось только запустить его и надеяться, что все работает как надо.

Именно в этот момент за дверью раздался шаг. Тяжелые, неторопливые. Мои тридцать минут истекли.

За мной пришли двое слуг в темных одеждах. Они не сказали ни слова, просто открыли дверь и встали по обе стороны, ожидая. Я поднялся, чувствуя, как дрожь в ногах теперь стала не только игрой, но и следствием моего чудовищного напряжения.

Мы вышли из комнаты и двинулись по длинным коридорам. Стены здесь были сложены из того же темного, поглощающего свет камня, что и в архиве. Факелы в железных скобах отбрасывали пляшущие тени, воздух пах дымом и ладаном.

Шаги слуг позади меня звучали глухо, ритмично, как будто отсчитывая секунды. Я еще раз прокрутил в голове план, проверяя каждую связку, каждый переход между ложными личностями. Скала. Архив. Все было готово к приему гостей.

Коридор закончился массивной дубовой дверью, черной от времени. Один из слуг шагнул вперед, толкнул ее. Полотно двери тяжело подалось внутрь.

Я вошел в Родовое Святилище Багрецовых.

Глава 4

Зал Родового Святилища был круглым и невысоким, с куполом, расписанным сценами войн и жертвоприношений. В центре зала находился массивный каменный алтарь, на гладкой поверхности которого был нанесен сложный рисунок. Посередине алтаря стояла чаша из черного, отполированного до зеркального блеска обсидиана.

Было тяжело дышать — воздух в святилище был неподвижным и густым, чувствовалась тяжелая атмосфера места, впитавшая в себя множество подобных ритуалов.

Слева от алтаря, на низком постаменте из темного дерева, лежала спящая Лада. Ее переодели в простое льняное платье, похожее на саван. Волосы были распущены, руки сложены на груди.

Рядом с Ладой стояли Гордей и Агриппина. Гордей был сосредоточен и смотрел на чашу, его профиль напоминал орлиный. Агриппина была одета в темно-синее, строгое платье и ее холодный взгляд был направлен на меня. Про дочь не думает, ждет когда я пройду обряд и стану их родовым активом.

У алтаря, спиной ко мне, стоял жрец. Он держал свои костлявые руки над чашей и что-то нашептывал. Рядом с ним, по обе стороны, замерли двое алтарников — молодые, бритые наголо мужчины средних лет в простых рубахах до пола.

Меня подвели ближе к алтарю и жрец обернулся. Его черные глаза, похожие на пуговицы скользнули по мне, переместились на Гордея и вопросительно замерли. Старший Багрецов молча кивнул.

— Пусть подойдет, — прозвучал глухой голос жреца, — и займет свое место.

Меня легко подтолкнули вперед, к самому краю алтаря. Теперь я видел чашу вблизи. Внутри нее, не смешиваясь, колыхались три лужицы жидкости, каждая — своего оттенка: черная и густая, более светлая с янтарным отливом и алая. Похоже, что это кровь Багрецовых, а моя — на очереди.

Жрец жестом подозвал одного из алтарников. Тот беззвучно подошел ко мне, держа в руках небольшой ларец из темного дерева, из которого он достал небольшой ритуальный нож с закругленным лезвием.

— Протяни левую руку, — скомандовал жрец, — ладонью вверх.

Я вытянул руку и алтарник обхватил ее своими холодными пальцами, а затем приложил лезвие ножа к середине моей ладони и медленно провел ровно по линии жизни — от середины ладони к основанию запястья, оставляя длинный, ровный надрез. Глубокая, тугая боль пронзила мою руку; темно-алая кровь хлынула в подставленную вторым алтарником черную чашу.

Когда в маленькой чаше набралось достаточно, алтарник взял чашу с моей кровью и медленно вылил ее в центр чаши, стоявшей на алтаре.

Теперь в чаше было четыре разных жизненные силы. Они не смешивались, лишь слегка колебались, будто присматриваясь друг к другу.

Жрец снова поднял руки. Его голос зазвучал громче на незнакомом языке, выкрикивая какие-то гортанные звуки. Одновременно два алтарника опустили на колени и положили на алтарь свои ладони. Геометрический узор под чашей вспыхнул холодным, серебристым светом.

Воздух затрепетал, наполнившись низким, едва слышным гудением. Свет от фигуры стал ярче, поднимаясь вверх и обвивая чашу. Четыре лужицы крови внутри нее зашевелились активнее. Их границы начали таять и переливаться друг в друга.

И тогда жрец, не прерывая песнопения, взял со стола у алтаря длинную, тонкую спицу из белого металла. Он поднес ее к чаше и на конце спицы вспыхнуло маленькое, ослепительно-белое пламя.

Жрец опустил горящую спицу в чашу и тут же раздался шипящий звук, будто раскаленный металл опустили в воду. Из чаши вырвался столб белого, бездымного пламени, а в ней самой были видны четыре потока, четыре разноцветных вихря, которые теперь яростно кружились внутри чаши, сталкиваясь, смешиваясь, выжигая друг друга.

Через пламя я увидел, как лицо Гордея озарилось ликующим, хищным светом. Агриппина замерла, затаив дыхание. Даже жрец на мгновение замолчал, глядя на рождение нового эликсира.

А я стоял, чувствуя, как резонанс бьет в мое тело, пытаюсь найти частоту моего естества, чтобы выжечь ее. Он пробивался сквозь мои ослабленные защиты, давя на сознание, пытаюсь расшатать его основы.

Разведка боем, предварительная очистка поля. Работаем.

Я отпустил первую ложную личность-приманку, жаждущую силы и признания и позволил ей сгореть первой.

Резонанс нашел ее и впился. Я почувствовал, как часть моего сознания — та, что была наполнена юношескими амбициями и страхом перед отцом, — начала плавиться под этим давлением. Я помогал, подкладывая в огонь самые яркие, самые болезненные воспоминания настоящего Ярослава. Пусть видят, как сгорает «сын Нестеровых», как из него выжигают все личное.

Процесс занял несколько долгих минут. Белое пламя в чаше постепенно меняло цвет, становясь сначала багровым, потом темно-золотым, и наконец — мерцающим, как ртуть, серебристо-черным.

Вибрации утихли. Вихри внутри стихли, слившись в однородную, тяжелую, переливающуюся всеми оттенками металла жидкость. Эликсир был готов.

Жрец вынул почерневшую спицу. Его голос снова зазвучал, но теперь это были не призывы, а жесткие команды. Он кивнул алтарнику, который стоял рядом со мной и тот взял меня за окровавленную левую руку выше локтя.

— Открой врата и прими силу рода, — прокричал жрец.

Алтарник резким движением погрузил мою ладонь с раной прямо в густую, переливающуюся субстанцию в чаше.

Контакт. Вливание.

Чужеродная, плотная, переливающаяся воля ворвалась в меня через разрез на ладони и несла в себе информацию: команды, ощущения, идеи.

Первой пришла воля Гордея — та самая, холодная и одинокая, которую я уловил на пластинах. Она обрушилась на мое сознание тяжелым, неоспоримым давлением. Ее посыл был прост:

ПОДЧИНИСЬ. СТАНЬ ЧАСТЬЮ ЦЕЛОГО. ТВОЯ СИЛА — МОЯ СИЛА. ТВОЯ ЦЕЛЬ — МОЯ ЦЕЛЬ. ОТКАЖИСЬ ОТ СЕБЯ, ОБРЕТИ НАСТОЯЩУЮ СИЛУ.

Одновременно с ней, как тонкие ядовитые нити, вплелись интриги Агриппины. Ее воля была тоньше, изощреннее. Она не давила, а обволакивала, предлагая:

ВИДИШЬ, КАК ЭТО МУДРО? ТЫ СТАНЕШЬ СИЛЬНЫМ. ТЫ СТАНЕШЬ НУЖНЫМ. СТАНЕШЬ ЧАСТЬЮ СЕМЬИ, ЗАЩИЩЕННЫМ, ПРИНЯТЫМ. ПРОСТО ОТДАЙСЯ, РАСТВОРИСЬ В ЭТОЙ МУДРОСТИ.

И наконец, словно теплое обволакивающее облако, пришла эссенция Лады. Она соблазняла:

БЛИЗОСТЬ. ЕДИНЕНИЕ. ЛЮБОВЬ. ТЫ БУДЕШЬ НЕ ОДИН. ТЫ БУДЕШЬ СО МНОЙ. НАВСЕГДА. ЭТО ТАК ПРОСТО — ПРОСТО РАСТАЙ.

Скоординированная атака на все уровни: на волю, на разум, на эмоции. Вливают в меня новую личность, собранную из лучших, с их точки зрения, частей себя.

Вторая приманка. Сейчас.

Первая моя ложная личность — юноша, жаждущий силы — уже сгорела. Теперь под удар я подставил вторую — аналитика, ищущего логику и понимание. Я позволил ей встретить холодную логику Гордея и изоощренные схемы Агриппины.

Смотрите, я сдаюсь. Вы правы, ваша система — само совершенство, пусть ваша воля войдет в меня.

Глубоко внутри, под этим спектаклем, кристаллическая решетка моего «архива» дрогнула и ожила. Она начала раскладывать вливающуюся волю на составляющие. Холодное одиночество Гордея — в одну ячейку. Изоощренную интригу Агриппины — в другую. Слепую связь Лады — в третью. Ячейки закрывались, изолируя эти сущности.

А в самом центре, в абсолютной темноте, лежала «скала» — мое истинное ядро. Невосприимчивое ни к чему. Пламя их воли лизало его грани, но не могло повредить.

И тут все пошло не по плану.

Эссенция Лады, которая должна была нежно обволакивать, внезапно схлопнулась и превратилась в твердый и безжалостный хор предков. Тот самый, из архива. Он приказывал: «ЗАБУДЬ. СЛУЖИ. УМРИ ДЛЯ СЕБЯ, ЖИВИ ДЛЯ РОДА.»

Эта сила не помещалась в архив, она ломала его ячейки, пытаясь заполнить собой все пространство. Третья ложная личность — эмоциональное ядро — в момент была раздавлена этим катком и уничтожена. Мой архив затрещал по швам.

Агриппина нахмурилась, она почувствовала неладное. Слишком ровное очищение, слишком быстрая капитуляция. Ее импульс, полный подозрительности, проскользнул мимо моих барьеров и ткнулся прямо в границу моего спрятанного ядра.

Она нашла меня.

Кровь Агриппины, проникшая в мои вены отозвалась на эту находку. Уловив чужеродное, она активировалась с чудовищной силой и стала переписывать мои базовые инстинкты выживания, подчиняя их одной цели: служить ей, источнику безопасности и одобрения.

Мой разум, и так атакованный предками Багрецовых, начал путаться. Мысли о тактике, о плане стали вытесняться простой, животной потребностью угодить, чтобы боль прекратилась.

А добил меня Гордей. Он почувствовал, что я ему приготовил ловушку. Схитрил. Обманул его.

И вместо того чтобы завершить подчинение, его воля перестала быть инструментом перезаписи и стала инструментом тотального стирания. Она обрушилась на меня гидравлическим прессом чистой, ничем не сдерживаемой силы, целью которой было не изменить, а уничтожить.

Каскад. Лавина.

Мой архив треснул. Ячейки, изолировавшие их волю, лопнули одна за другой. Силы Гордея, Агриппины, «хора» Лады смешались в единый, невообразимый хаос, который обрушился на последний рубеж — на мою «скалу», ядро сознания.

Ощущение было таким, словно мой череп изнутри раскалывают ледорубом.

Мои мысли — четкие, холодные, тактические — растаяли. Я перестал видеть святилище. Фигуры Гордея, Агриппины, жреца расплылись в кровавом тумане.

Я проваливался в подчинение. Безнадежно, целиком. Последние обрывки «меня» метались в темноте. И в этой тьме вспыхнули три последние мысли-воспоминания: напутствие отца, инструкция Строганова, моя собственная надежда на Всеначальную Энергию из Волеведения.

А потом наступила тишина.

Боль отступила. Мысли остановились. Я больше не чувствовал своего тела, не чувствовал чужой воли. Я не чувствовал ничего.

Темнота.

Я открыл глаза. Точнее, не так. Мое тело открыло глаза. Я увидел высокий сводчатый потолок. Тело без моей команды само село на кровати. Движения были плавными, уверенными, чуть медлительными — и совсем не моими.

Я наблюдал за ним как сквозь толстое, мутное стекло, как в тяжелом, беспмятном сне, где ты понимаешь, что спишь, но не можешь проснуться.

В комнату вошла Агриппина с подносом с едой. Ее взгляд был оценивающим, холодным. — Ты проснулся, зятек, — сказала она с удовлетворением.

Губы моего тела растянулись в улыбку. Широкой, пустой, подобострастной и совсем не моей.

— Матушка, — прозвучал голос. Он был очень похож на мой, но интонация слащавая, подобострастная. — Вы не должны беспокоиться. Я чувствую себя обновленным. Благодарен вам.

Вперед! Со всей силой я ударился в невидимую стену, что отделяла меня от моего же лица, от моего голоса. Но стена не дрогнула. Ни единой мышцы на том лице не дрогнуло и улыбка осталась такой же противно сладкой. Это не ты, это кукла. Ты внутри, ты жив. ДЕРЖИСЬ.

— Гордей Семенович желает тебя видеть после трапезы, — сказала Агриппина, ставя поднос. — У нас много планов.

— Я служу роду, — немедленно, без тени сомнения, ответил голос. — Моя воля — ваша воля.

Не ври! Не ври! Воля моя, только моя!

Агриппина кивнула, и в уголке ее губ дрогнуло что-то вроде улыбки. Она повернулась и вышла.

Тело послушно начало есть. Я чувствовал вкус пищи как что-то отдаленное, нереальное, словно кто-то жевал за меня вату.

Стекло между мной и миром стусилось, сжалось, потяжелело. Силы, потраченные на рывок, иссякли, сознание стало меркнуть.

Скала. Я — скала. Я есть. Я справлюсь. Я прорвусь.

Темнота.

Мое тело стояло в кабинете Гордея, рядом с картой, разложенной на столе. Гордей что-то объяснял, тыча пальцем в графства.

Открылась дверь и вошел Григорий Вячеславович Нестеров. Мой отец выглядел постаревшим лет на двадцать.

— Ярик! — вырвалось у него. — Сын! Как ты?

Гордей холодно посмотрел на него, но ничего не сказал. Мое тело повернулось к отцу. Лицо оставалось спокойным, вежливым и абсолютно пустым.

— Отец, — сказал мой голос ровно, без эмоций. — Вы потревожили графа, у нас важный разговор.

Григорий Вячеславович замер, будто его ударили. Он шагнул ближе, вглядываясь в мои — и одновременно не мои — глаза.

— Что с тобой? Что они с тобой сделали? Ярослав, взгляни на меня!

Рука моего тела сама поднялась и сделала жест, которым отмахиваются от назойливой собаки.

— Вы взволнованы, отец, — произнес мой голос снисходительно. — Вам следует отдохнуть. Граф Гордей Семенович и графиня Агриппина Петровна позаботятся обо мне.

Отец отступил на шаг, его лицо стало пепельно-серым. Он посмотрел на Гордея, который все так же молча наблюдал с холодным торжеством, затем снова на меня. Его плечи опустились, глаза потускнели.

Я взорвался, заревел внутри. Нет! Это не я! Это не мои слова!

Моя воля рванулась вперед, как разжавшаяся пружина, чтобы овладеть телом и отчаянным рывком пробить разделяющееся стекло, сломать чужую программу и вырвать управление.

Я увидел, как отец поворачивается к выходу. Его согбенные плечи.

Удар.

Что-то дрогнуло в самой тьме, где я был заперт. Соппротивление, похожее на толстый слой льда, треснуло под моим безумным напором. На миг — меньше, чем миг, — появилась связь. Я почувствовал тяжесть собственных ног на полу, увидел спину отца в двух шагах, услышал собственное хриплое, прерывистое дыхание.

Я рванул рукой. И в этот момент тело — чужое тело — слегка вздрогнуло. Рука дернулась, будто от удара током и пальцы скрючились в спазме. Из горла вырвался хриплый, сорванный звук, больше похожий на стон раненого зверя.

Гордей перевел взгляд с отца на меня, его брови поднялись вверх.

Отец на пороге замер, обернулся на этот звук. Его взгляд, полный боли, встретился с моим. И в этот миг я, запертый внутри, впился в него взглядом, в который вложил все: "Отец, это не я! Не верь!" Длилось это меньше секунды.

Потом лед сомкнулся снова, судорога в руке стихла. Хриплый звук оборвался, сменившись ровным, спокойным дыханием. Пустота вернулась в глаза и моя рука сама поправила складку на кафтане легким движением.

— Простите, ваше сиятельство, — произнес голос, который я считал своим. — Внезапный спазм. Последствия обряда, должно быть. Уже прошло.

Гордей медленно кивнул, его взгляд еще несколько секунд изучал меня, а затем вернулся к карте. Угроза миновала, сбой устранен.

Отец стоял, обескураженно глядя на меня. Он увидел. Увидел внутреннюю борьбу и ее итог. Он медленно, будто неся неподъемную тяжесть, покачал головой и вышел, закрыв за собой дверь.

А я, отброшенный назад, чувствовал, как меня, наблюдателя, затягивает обратно в бездну. Последним, что я услышал, был ровный, деловой голос тела, обсуждающего с Гордеем условия передачи каких-то нестеровских земель под «временное управление» Багрецовых. Цифры. Проценты. Даты. Голос звучал так, будто говорил о погоде.

Темнота.

Я снова осознал себя в небольшой, изящно обставленной гостиной. Передо мной, выпрямившись в кресле, сидела Агриппина.

— Теперь поговорим о главном, зятюшка, — начала она тихим голосом. — О том, что значит быть мужем в нашем роду. О том, что значит быть ее мужем. Запомни раз и навсегда.

Мое тело сидело, склонив голову в почтительной позе слушателя.

— Во-первых, — Агриппина подняла палец вверх, — твоя жизнь теперь вращается вокруг Лады. Ее покой, ее комфорт, ее малейшее желание — твой единственный закон. У тебя больше нет увлечений. Нет друзей, если она не одобрит. Весь твой мир — это она.

— Разумеется, матушка, — тут же отозвался голос из моей груди. — Она — Солнце, а я — планета.

— Во-вторых, — продолжала Агриппина, — ты выполняешь ее желания мгновенно. Не рассуждая и не сомневаясь. Если она захочет звезду с неба — ты найдешь лестницу. Это не обсуждается.

— Ее слово — приказ, — подтвердил голос.

— В-третьих, ты принадлежишь ей полностью. У тебя нет ничего своего. Ни времени, ни сил, ни — прости Господи — личных амбиций. Все, что у тебя есть, — это даровано ею и для нее. Ты — продолжение ее воли, ее инструмент. Понял?

— Как отражение в зеркале, матушка. Ничего лишнего.

Мое истинное «я» оцепенело. Ничтожество. Тряпка.

Сейчас важно обрести контроль. Собирай силы для прорыва.

— В-четвертых, — ее голос стал еще тише, — ты не имеешь права причинить ей ни малейшей обиды. Ее чувства хрупки. Твоя задача — оберегать их, как святыню. Даже если она не права. Особенно если она не права. Ты должен находить способ согласиться, угодить, утешить. Всегда.

— Ее слезинка — мое величайшее поражение, — выдал голос еще одну сладкую фразу.

— И наконец, в-пятых, — Агриппина откинулась в кресле, сложив руки, — ты будешь благодарен. Каждый день. За то, что она позволила тебе быть рядом. За то, что ты можешь ей служить. Это величайшая честь, которую только могла даровать тебе судьба. Запомни это.

— Я дышу благодарностью, — прозвучало в ответ. — Каждый миг.

Я почувствовал глубокое, вселенское отвращение — и к ней, и к тому, во что они превратили меня. Я был почти готов к прорыву. Еще чуть-чуть.

Агриппина изучающе посмотрела на меня, словно проверяя, насколько глубоко поняты ее наставления. Удовлетворенно кивнула, встала.

— Хорошо. Теперь пойдем к твоей жене.

Голос из моей груди прозвучал с легким, подобострастным удивлением:

— Но... матушка, зачем? Она же без сознания.

Агриппина обернулась на пороге, ее губы тронула холодная улыбка.

— Лада пришла в себя час назад. И первым делом спросила о тебе.

Глава 5

— Идем, зятюшка, — сказала Агреппина. — Не заставляй жену ждать.

Мое тело помимо моей воли мгновенно вскочило, лицо осветилось восторженной улыбкой.

— Конечно! Ведите меня к ней!

Так. Лада пришла в себя. Это и плохо, и хорошо одновременно. Плохо, что она могла повредиться рассудком и выдать Багрецовым, что мы были в родовом архиве. Хорошо, что, если она осталась прежней, то поможет мне вернуть контроль над сознанием и телом.

Надо выбираться отсюда. Сейчас.

Я стал скалой, как говорил отец, а дальше, по инструкции Строганова, мне нужно стать пустотой, а потом прорасти. Хорошо, только прорасти плавно я не буду.

Я собрал в кулак все, что осталось от меня, и сжался тугой пружиной. И в тот миг, когда тело сделало первый шаг за Агриппиной, я выстрелил.

Огонь!

Я взорвал свое ядро изнутри, и моя “скала” сознания рванула на поверхность, как снаряд. Стекло, отделяющее меня от реальности, треснуло.

Я почувствовал свое тело, я стал им. Ощутил тяжесть ног на паркете, прохладу воздуха, давление кафтана на плечах, услышал звук шагов. Спина Агриппины встала перед мои взором уже как обычно, а не как мутная картинка где-то вовне.

Есть контроль.

Я отклонил корпус назад и поднял подбородок, нарушив подобострастную осанку. Изменил походку на уверенную, свою.

Только вот длилось это буквально секунды. Силы, потраченные на этот рывок, мгновенно иссякли и контроль ускользнул, как песок сквозь пальцы.

Я упал назад, в темноту.

Чужой Ярослав, получив обратно управление, споткнулся и чуть не упал. Агриппина обернулась, вскинула брови вверх и вопросительно посмотрела на меня. Мое чужое тело сделало еще шаг и застыло в почтительной позе, лицо снова осветилось пустой радостью.

— Простите, матушка, — услышал я приторно сладкий голос. — Споткнулся. От нетерпения, наверное.

Агриппина смерила меня долгим взглядом, потом медленно кивнула и повернулась, чтобы идти дальше.

В этот раз сознание удалось сохранить. Получилось! Хоть не надолго, но я вернул контроль. Соберу силы и ударю еще раз.

Агриппина привела меня в покои дочери. Лада сидела в кресле у окна, укутанная в плед.

Мой эмпатический радар сейчас был недоступен, и я не знал, что она чувствует. Это она или ей сейчас командуют предки — или с кем я там дрался в архиве? Я пойму это по глазам. Посмотри на меня, Лада.

Она обернулась. Ее глаза расширились, в них я увидел и радость, и тревогу одновременно. Я выдохнул — она.

— Вот твой муж, доченька, — сладко произнесла Агриппина. — Посмотри, как он по тебе скучал.

Мое тело немедленно шагнуло вперед, опустилось на колени у кресла и взяло ее руку. Голос слащаво зазвучал :

— Лада! Свет мой! Ты вернулась! Я молился...

Что за театр? Лада слегка отстранилась, я увидела как ее пальцы дрогнули в моей руке, которую я совсем не чувствовал.

— Мама, я хочу поговорить с ним. Наедине.

Агриппина замерла. Ее взгляд скользнул с дочери на меня, выискивая подвох.

— Ты еще слаба, дитя. Он может тебя утомить.

— Пять минут, — настойчиво повторила Лада. — Пожалуйста.

Агриппина медленно кивнула, ее лицо оставалось непроницаемым.

— Хорошо, пять минут. Я буду за дверью.

Она вышла, оставив нас одних. Тишина повисла в комнате, нарушаемая лишь тиканьем часов.

Тело сразу затараторило:

— Ты не представляешь, как я волновался! Каждую секунду думал о тебе...

Лада молча смотрела в мои глаза. Внимательно смотрела: она искала что-то во мне и, кажется, не находила. Ее собственный взгляд с каждой секундой тускнел, уголки губ стали опускаться.

Лада медленно потянула к себе руку, чтобы высвободить ее из хватки моего тела, но в последний момент перевернула ладонь и крепко сжала мою руку.

— Ярослав, — прошептала она глядя в глаза. — Где ты?

И в тот же миг от ее пальцев в мою ладонь хлынул поток ее чистой и нежной энергии, которая заполнила пространство вокруг моего ядра.

Сейчас! Всей сжатой в пружину волей я рванулся навстречу.

Стекло разбилось. Прорвался снова.

Контроль нахлынул оглушительно и болезненно. Я почувствовал, как ее пальцы впиваются мне в руку, увидел ее широко открытые глаза.

— Я здесь, — хрипло сказал я, пытаюсь справиться с головокружением. — Времени мало, слушай внимательно.

Лада замерла и кивнула. Контроль держать было крайне сложно, я начал соскальзывать обратно. Нужно успеть.

Я говорил быстро, выжимая из имеющихся секунд все:

— Передай моему отцу, чтобы он забрал нас отсюда. По брачному договору о совместном проживании. Пусть приедет с юристами и вытщит нас на исполнении пункта договора. Поняла?

Она кивнула снова. Силы кончались. Темнота засасывала обратно, сжимая горло.

— Я вернусь, — успел выдохнуть я. — Держись...

И — обрыв. Я провалился в глухую, беспмятную мглу.

Пришел в себя от прикосновения к ядру сознания осторожного и настойчивого щупа. Он скользил по граням спрятанной «скалы», как бы стуча в нее.

Я попытался сфокусировать мутную картинку. Мир плыл и покачивался. Мутные окна, грохот колес по бульжнику. Карета. Резкость постепенно возвращалась.

Рядом с своим бесчувственным телом я увидел Ладу. Она крепко держала мою руку в своих, а ее взгляд был прикован к моему лицу. Напротив, на кожаном сиденье, сидели отец и Владимир. Отец смотрел на меня жестким, сфокусированным взглядом. Его ментальный щуп все еще вился вокруг меня.

Багрецовых нет, куда-то едем. Семья и Лада здесь. Значит, получилось. Отлично. Осталось получить контроль над телом.

Тело, чувствуя мое пробуждение, попыталось зашевелиться и залепетать что-то слащавое: «Отец, брат, как я рад... мы едем...» Григорий Вячеславович резким жестом оборвал этот поток. Он наклонился вперед, его пальцы сжали мое колено.

— Ярослав. Лада передала твое послание.

Его щуп сменил тактику. Он перестал сканировать и начал внедряться словно отмычка. Он нашел трещину, оставленную моим собственным рывком и энергией Лады, и применил резонансный импульс, настройку на ту самую частоту «скалы», о которой он говорил. Это был зов, призыв родной крови.

— Твое тело еще не твое, — произнес отец, и его лицо стало жестче. — Времени терять не будем.

Он перевел взгляд на Владимира и Ладу.

— Помогите энергией. Все, что можете дать, посылайте мне — я перенаправлю.

Владимир, не говоря ни слова, положил ладонь на плечо отца. Лада тоже положила свои тонкие пальцы на запястье старшего Нестерова и закрыла глаза.

Отец снова впился взглядом в меня. Его собственная воля, усиленная их энергией, сгустилась в острое и создала мост прямо к моему ядру.

— Ярослав, — его голос загремел в моем сознании. — Рви ко мне. Сейчас!

И я рванул. Отчаянным, яростным броском я рванулся на этот протянутый канат родной силы. Я вцепился в этот резонанс, в голос отца, в энергию Лады, в грубую поддержку Владимира.

Удар! Стекло разлетелось вдребезги.

Контроль нахлынул оглушающей, болезненной, пьянящей лавиной. Глаза заволокло темной пеленой, в ушах зазвенело. Я дернулся вперед, схватившись за край сиденья, чтобы не упасть.

— Держись! — пальцы отца впились мне в плечо, поддерживая.

Первое, что я увидел — бледное лицо Лады. Глаза огромные, губы дрожали.

— Ярослав? — прошептала она.

— Он самый, — сумел выдавить я из себя.

Лада закрыла на мгновение глаза, и по ее щеке скатилась слеза, которую она тут же смахнула тыльной стороной ладони.

Владимир, сидевший напротив, выдохнул, откинувшись на спинку. Он выглядел так, будто только что пробежал марафон. Молодец, выложил на полную.

— Черт возьми, Ярик, — прохрипел он. — Думал, что на этот раз ты точно свихнулся.

Я не стал отвечать. Все мои силы уходили на то, чтобы просто сидеть и дышать. Я сделал быструю проверку, как учили в Центре: проверил связь с конечностями, ментальными центрами. Связь слабая, но это поправимо.

Чужая воля — та самая, что правила куклой — отступила, свернулась в тугую, ядовитый узел где-то в глубине подсознания. Я изолировал ее дополнительно. Разберусь позже. Сейчас нужно восстановиться.

Отец не отпускал мое плечо. Его ментальный щуп все еще рыскал по моему сознанию, выискивая повреждения.

— Как ты? Говори конкретно, — приказал он. — Голова? Зрение? Связь с узлами?

— Все... цело, — с трудом выговорил я, отводя его щуп легким усилием воли. Мой «Кокон» был порван, но сам принцип защиты работал. — Сознание... мое. Контроль... есть. Есть... постороннее включение. Заблокировал.

Григорий Вячеславович кивнул, его лицо стало еще суровее.

— Обломки их воли. После такого насилия они не могли просто испариться. Это как заноза в разуме. Ее нужно будет выковырять, и чем быстрее, тем лучше.

— Позже, — прошептал я. — Сначала... оценка. Куда мы едем? Что произошло?

Отец откинулся, наконец отпустив меня, и начал доклад:

— Едем домой. Было нелегко, но Багрецовым пришлось отдать вас с Ладой. Пока что. Формальный повод — пункт из брачного контракта: право молодоженов на совместное про-

живание в доме мужа. Мы прибыли с адвокатом из Герольдии и уполномоченным от Канцелярии по семейным делам.

— Уполномоченный от Канцелярии?

— Чиновник низшего ранга, — успокоил Владимир. — Строгановых и Любищевых там и близко не было. Багрецовы пытались протестовать, ссылались на твое «нестабильное состояние после обряда». Но наши юристы оказались лучше. Да и Лада... — он кивнул в ее сторону, — сыграла свою роль. Сказала, что чувствует себя в безопасности только с мужем в его родовом доме. Выглядело убедительно.

Я перевел взгляд на Ладу. Она смотрела в окно, ее плечи были напряжены.

Умница. Она не только передала отцу мое послание, но и открыто пошла против семьи. Значит, у нее хватило сил скрыть правду о нашем проникновении в архив и о моем временном возвращении. Ее психика выдержала обряд и давление предков, а воля оказалась крепче, чем я предполагал.

Это меняло расклад.

Из потенциальной угрозы или слабого звена она могла превратиться в ценного, проверенного в кризисе союзника. Но доверять можно лишь действиям, а не словам. Ее истинные мотивы и степень свободы от влияния рода все еще под вопросом.

Мой побег стал для Багрецовых тактическим поражением, но не стратегическим. Они потеряли физический контроль над активом, но их программа во мне осталась. Гордей не отступит. Его следующий ход будет либо попыткой вернуть контроль на расстоянии, либо прямым ударом — юридическим, политическим или ментальным.

Вероятность нового визита сотрудников Канцелярии или Герольдии по его наводке стремилась к ста процентам. Значит, до их приезда нужно успеть сделать две вещи: полностью очистить сознание и найти в кристаллах родовую технику, которая даст нам юридический иммунитет или столь весомый статус, что даже Строганов не сможет действовать грубо.

— Спасибо, Лада, — сказал я тихо, — за помощь.

Она обернулась, встретилась со мной взглядом и снова быстро отвела глаза.

— Родители не отступят, — проговорила Лада, и ее голос был почти неслышен под стук колес. — Отец считает тебя своей собственностью, он попытается вернуть. Или уничтожить.

— Теперь его власть на нас не распространяется, — сказал я, ловя ее взгляд. — Нам возвращаться к ним нужды нет. И не будет. Ты же не передумаешь?

Лада медленно покачала головой.

— Нет, — прошептала она. — Не передумаю.

Экипаж замедлил ход и свернул с основной дороги. Мы въезжали в Серебряническую слободу. Через грязное стекло показался высокий забор и скромные ворота усадьбы Нестеровых.

Карета остановилась во дворе. Я вышел, подал руку Ладe. Холодный воздух ударил в лицо, пахнувший дымом и свежескошенной травой.

Следом вышел отец, окинул взглядом дом.

— Я распорядился подготовить для вас восточную половину на втором этаже, — сказал он. — Комнаты смежные, но каждая — со своей дверью в коридор. Там потише, и вид на сад.

Лада кинула на меня быстрый, смущенный взгляд и вспыхнула румянцем.

— Хорошо, отец, спасибо, — поблагодарил я.

— Аглая! — позвал отец, обернувшись к крыльцу.

Из двери вышла горничная — девушка лет восемнадцати, стройная, с гладко зачесанными под белый чепец темными волосами и умными, быстрыми глазами.

— Это Аглая, — сказал отец, обращаясь к Ладe. — Она поможет тебе освоиться, все покажет. Можешь ей доверять. Если что нужно — обращайся через нее.

Лада кивнула ей, все еще смущенная, и перевела взгляд на меня, как бы спрашивая разрешения. Я ответил кивком: “Иди. Осваивайся”.

Аглая бережно взяла Ладу под локоть и повела в дом, мы с отцом и братом последовали за ними.

Лада с Аглаей поднялись по лестнице на второй этаж. Я проследил за ними взглядом, отметив, как напряженно держит спину Лада, и как уверенно, но ненавязчиво ведет ее горничная.

— Пойдемте в гостиную, — сказал отец. — Обсудим дела.

В гостиной, обставленной потертой, но добротной мебелью, отец разлил по бокалам виноградный напиток. Мы молча выпили. Жидкость обожгла горло, разливаясь теплом по животу.

— Первое, — начал отец, ставя бокал. — Твоя жена. Формально она теперь под нашей защитой. Неофициально... — он тяжело вздохнул, — она все еще Багрецова. Ее могут использовать как шпиона, как заложницу, как канал влияния. Я приставил к ней Аглаю не только для помощи. Она верна роду безусловно: будет и служить, и наблюдать.

Я кивнул.

— Согласен. Лада сейчас в подвешенном состоянии. Ее нужно либо полностью перетянуть на нашу сторону, что почти невозможно из-за крови, либо... найти способ блокировать их влияние на нее так же, как я пытаюсь блокировать их в себе.

— Да, что с их влиянием? — включился Владимир. — Ты сказал, изолировал осколок. Надолго ли?

— Нет, — честно ответил я. — Карантин держится на моей концентрации и остатках силы. Как только я усну или получу новый удар — он может прорваться. Нужно не изолировать, а уничтожить. Или подчинить. Для этого нужны знания из кристаллов.

— Завтра, — пообещал отец. — Сегодня ты едва стоишь на ногах.

— Да, я хочу восполнить сейчас энергию. А потом сон.

— Хорошо. Отдыхай. Пойдем, Владимир.

Я остался один в тихой гостиной. Сумерки за окном сгущались в настоящую ночь. Я погасил свечи, кроме одной, и устроился в глубоком кресле у потухающего камина. Идти наверх, в комнату рядом с комнатой Лады? Нет. Не сейчас.

Я закрыл глаза и полностью сосредоточился на дыхании. «Практикум Волевода» описывал базовый цикл набора энергии: вдох — проведение Всеначального Потока по главным меридианам, выдох — распределение и усвоение в Узах. Я делал это медленно, методично, как робот.

Когда свеча догорела до половины, я перешел ко второму этапу. Эмпатический радар был еще слаб, но «Взгляд орла» внутри себя работал. Я снова направил его на капсулу с осколком воли Багрецовых.

Теперь, с небольшим запасом энергии, я мог позволить себе больше, чем просто сканирование. Я начал изучать сеть чужой воли. Каждый узел — команда или якорь. Каждая нить — связь между ними. Я искал центральный узел, сердцевину: там могла быть полезная информация.

В этот момент моя кровь заговорила. Вместо команды сейчас во мне зазвучал зов: тихое, настойчивое, мелодичное гудение на самой грани слышимости, из самой видоизмененной крови.

Кровь Багрецовых манила. Она обещала покой и силу. Принадлежность. Вернись. Сдайся. Стань частью целого, и боль уйдет.

Физическая тоска по этой гармонии стала выворачивать внутренности. Каждая клетка, отравленная их эликсиром, кричала, что это — единственно правильное состояние. Что сопротивление — это болезнь, которую нужно прекратить. Что мое ядро, моя «скала» — это инород-

ное тело, абсцесс, причиняющий невыносимую боль. А боль можно прекратить. Стоит только согласиться. Стоит только захотеть.

К такому я оказался совсем не готов. Прямой приказ можно было сломать волей, а этот ядовитый мед просачивался в мою усталость, в детские обиды настоящего Ярослава, в профессиональное выгорание оперативника Алексея Воронцова. Он находил все мои слабости и ласково гладил по ним, предлагая волшебное избавление.

И мое истощенное тело, и мой измученный разум на него отзывались. Мысли начали плыть. А что, если... Нет, это невозможно... Но как было бы легко... Лада там... Сила там... А я... я так устал...

Я прикрыл глаза и снова стал проваливаться в темноту.

Глава 6

Морок зова крови Багрецовых затопил меня с головой. Сознание не выдерживало давления, силы сопротивляться падали с каждой секундой. Еще немного и будет поздно.

Кризисный анкер, протокол „Утес“. Применить сейчас.

Тренированное годами слово-якорь само вырвалось на выдохе: «МОГУ!».

Тело откликнулось сразу же, судорожно выпрямив спину. Я на автомате задышал в четырехтактном ритме. Сознание сквозь вату апатии выдало четкое ощущение-воспоминание, которое было выставлено на преодоление своего “больше не могу”.

Боль. Сжатые зубы и давящая тяжесть рюкзачных лямок, впивающихся в ключицы. Обжигающий лед ветра высекающий слезы глаз. Под ногами — сколотый выступ на почти вертикальном утесе. Каждый мускул воеет от перенапряжения, мои пальцы ввинчены в трещины камня. Еще чуть-чуть, уже вижу край скалы. Последнее усилие и я на самом наверху четырехтысячника. Пытаюсь отдышаться, смотрю вверх на хмурое небо. Улыбаюсь. Я смог.

И следом — сильнейший прилив сил, энергии, адреналина. Я могу все!

Иллюзия сладкого покоя треснула, будто по зеркалу ударили молотком. Внутренняя «скала» оголила острые грани, снова стала тяжелой, мощной, фундаментальной.

Сознание на секунды стало ясными и я сразу вонзил «Взгляд орла» в то место сознания, где находилось заблокированное ментальное вложение Багрецовых. Так и есть — моя блокировка слетела, внушение на подчинение чужому роду шло полным ходом, резонируя с кровью Багрецовых, которая теперь текла во мне. Похоже, своим исследованием я только активировал эту связь и этот живой, пульсирующий червь пустил ядовитые корни в мои инстинкты.

Я добрался до ядра вложения.

Техника «Санитар». Уничтожить.

И в момент, когда я уже почти нанес удар, из ядра ментального вложения ко мне пришел образ.

Образ, который был слишком, чересчур, чрезмерно красивым и который сиял неземным чистым светом.

Образ Лады.

Я снова почувствовал всепоглощающее, иррациональное влечение к ней. Она была настолько совершенна, что я на мгновение поплыл.

Я не могу уничтожить ее! Она моя жена! Пусть это и просто ее образ. Лучше, как и в прошлый раз, изолирую, а там разберусь.

Нет.

Я сжал зубы, концентрируя волю и выключая чувства. Этот образ — угроза. Через этот образ Багрецовы погубят тебя.

Не поддаваться, игнорировать влияние. Ты сильнее.

Техника «Санитар». Уничтожить чужеродное вложение. Сейчас.

Ментальный скальпель из моей заостренной воли вошел в ядро закладки Багрецовых и аккуратно, почти нежно, перерезал главный нервный узел. Я тут же схватил энергетический удар, в глазах помутнело. Встряхнул головой, приходя в себя. “Взгляд орла” диагностировал, что сработано чисто — связи отрезаны.

С какой-то яростью на свою слабость я вдвинул “Молотом” прямо в центр образования — в образ Лады.

Есть попадание.

Отдача по энергетическим каналам пробежала густой волной. Быстро погасив ее, я приготовился ударить еще раз, но во втором ударе не было необходимости — от закладки Багрецовых ничего не осталось.

Ликвидация подтверждена. Образа Лады больше не было в моем сознании.

Хорошо... Только вот хорошо рассудком. А чувствами совсем-совсем нехорошо: внутри разлилось чувство, что я ударил не по образу Лады, а по нам обоим, настоящим.

На периферии сознания я почувствовал кровь Багрецовых, которая будто забилась в истерике, извергая слепую, бессильную ярость. Соблазн сдачи и подчинения ушел полностью, остался лишь фантомный зуд, вполне терпимый.

Я выдохнул, успокаивая головокружение и шум в ушах. Угроза ликвидирована. Справился. Смог. Только почему стало так пусто на душе?

Ладно, работаем дальше.

До этого момента у меня в сознании было два чужих вложения: Багрецовых и Строганова. Теперь осталось только тонкое внушение Строганова, направленное на то, чтобы я воспротивился родовому обряду Багрецовых. Нужно разобраться сразу и с ним.

Я устремил “Взгляд орла” в то место сознания, где я блокировал его, и на секунду опешил. Пусто.

Я перепроверил еще раз. Ничего.

Может, внушение самоликвидировалось, когда я прошел обряд? Или Строганов тонко снял внушение? Но когда? Ответов у меня не было.

Ладно. На нет и суда нет. Пора отдыхать.

Я поднялся на второй этаж имения и свернул направо, в восточный коридор. Мой эмпатический радар, все еще слабый, уловил знакомое мерцание за последней дверью — тревожное и усталое. Лада. Отец говорил, что мои покои смежные с ее. Значит, моя вот эта дверь, предпоследняя слева.

В памяти всплыла моя конура на чердаке. Посмотрим, что приготовил мне отец на этот раз. Я повернул ручку двери и вошел в комнату.

Никого. Но по ощущениям совсем недавно тут кто-то был — служанка Аглая, скорее всего.

Я огляделся. Просторная комната, похожая на кабинет, с высокими потолками. На стенах, в высоких бронзовых подсвечниках горели свечи, отбрасывая прыгающие тени на стены. Разожженный камин, два кожаных кресла рядом, диван. Впереди — три больших окна, завешанных тяжелыми темно-синими гардинами в пол и огромный диван с журнальным столом. Темный паркет, массивный дубовый стол в углу и рядом с ним тяжелый стул с резной спинкой. Вдоль стен — книжные шкафы до самого потолка с пустыми полками.

Слева — дверь в мою небольшую спальню. В правой стене еще одна межкомнатная дверь, за которой чувствовалось присутствие Лады. Еще не спит.

Да уж, куда лучше моей прежней конуры на чердаке. Отец явно поменял свое отношение ко мне. Ладно, перебираемся сюда.

Я перетащил с чердака свои немногочисленные вещи. Два тома Волеведения из тайника я положил в верхний ящик стола. Во второй ящик я сложил завернутые в плотную ткань обсидиановые пластины — слепки из архива Багрецовых. С ними буду разбираться завтра.

В этот момент раздался тихий стук.

Я мгновенно напрягся, сканируя пространство, и так же быстро расслабился. Пятно на радаре было знакомо. Лада. Услышала, что я здесь.

— Да, — сказал я, не повышая голоса, — заходи.

Дверь приоткрылась, и вошла моя жена. Сама мысль, что у меня теперь есть жена, казалась какой-то странной, чужой и как будто неуместной. Ну какая она мне жена? Вот Настя была женой — там было все осмысленно, по обоюдному желанию, по любви, а не под прессом обстоятельств, как здесь. Правда, она уже давно мертва... и тебе пора бы уже о ней забыть. Так будет энергетически и психологически выгоднее.

А с дочкой Багрецовых у меня не было другого выбора. Моя фиктивная жена Лада — так будет правильнее ее называть.

Я вскинул взгляд на Ладу. Она была в простом домашнем платье светлого оттенка, без всяких украшений и распущенными волосами. Вынужден признать: выглядит очень очаровательно и женственно. Она стояла, смущенно опустив взгляд.

— Я... хотела с тобой поговорить, — произнесла она тихим голосом. — Если ты не устал. Можешь?

Эмпатический радар, скользнув по ее полю, зафиксировал клубок эмоций: вину, стыд, страх отвержения и искреннее желание объясниться. Ни капли лжи или расчета.

— Да, — кивнул я, указывая жестом на второе кресло у потухающего камина. — Садись.

Она несмело подошла и села на край, держа спину прямо. Пальцы теребили складки платья.

— Извини меня, — выпалила она, не поднимая глаз. — За то, что произошло... там, в архиве. Это... иногда просыпается. И становится сильнее меня. — Она резко вскинула на меня взгляд, и в ее глазах стояла настоящая, немеющая боль. — Простишь меня? Я не хотела... честно.

Она волновалась так, что энергетическое поле вокруг нее мелко дрожало, как поверхность воды от падения капли. Искренность была абсолютной.

— Все нормально, — сказал я, намеренно сохраняя ровный, бесстрастный тон. — Я понимаю. Ты была инструментом в их руках. Расскажи, что помнишь. Как ты себя чувствовала тогда, в архиве? И что было после, когда очнулась?

Мой спокойный, деловой тон, кажется, немного успокоил ее. Она сделала глубокий вдох, собираясь с мыслями.

— Там, в архиве... стало нечем дышать. Как будто на меня навалились все сразу. Не голоса, а... требование. Стать пустой, чтобы они могли наполнить. А потом... я увидела, как они идут на тебя. И я поняла, что если они через меня тебя достанут, то ты... ты исчезнешь. И я не смогу этого допустить. Остановить их я не могла. Оставался только один способ не стать их оружием.

Она замолчала, и по ее лицу пробежала судорога.

— А когда очнулась... мама была рядом. Говорила тихо, ласково. Что я молодец, что все прошло хорошо, что теперь ты — часть семьи. Но потом... потом был инструктаж. — Голос Лады стал безжизненным, она смотрела куда-то в пространство перед собой. — Мой долг — заботиться о тебе. Следить за тобой. Узнавать твои планы, твои слабости. Докладывать. Контролировать. Ты теперь муж, но прежде всего — актив рода и я должна обеспечивать возврат инвестиций. Что это... моя обязанность перед семьей.

Очень даже в духе Багрецовых. Знакомо. Меркантильный расчет, завернутый в оболочку заботы. А теперь самое важное.

— Лада, — я внимательно посмотрел на нее, — тебя родители расспрашивали о том, что с тобой случилось? О причинах? Пытались выяснить, не был ли я причиной твоего состояния? Про архив спрашивали?

Лада покачала головой, и в ее взгляде промелькнула тень прежней, холодной дочери Багрецовых, умеющей хранить секреты.

— Про архив не спрашивали. Я об этом специально не думала. А про тебя спрашивали. Настойчиво. Особенно мама. Я... — она на мгновение зажмурилась, — я сказала, что не помню. Что по пробуждении чувствовала мощный, теплый поток энергии от тебя. Будто ты вложил в меня что-то свое. И что я до сих пор чувствую это внутри. Это... удивительно. Как будто ты отдал мне часть себя, и эта часть еще со мной.

Про архив так я и думал. Если бы Багрецовы узнали, что мы бы здесь сейчас не находились. Лада почувствовала мои ментальные импульсы и часть биополя, которую я в нее вкачал,

чтобы завести сердце. Значит, Багрецовы дочери не стали объяснять, что у нее была клиническая смерть. Возможно, чтобы не сеять лишних вопросов или не показывать степень моего вмешательства. Ладно.

Я кивнул, принимая эту информацию к сведению.

— Понятно, — сказал я. — А что по поводу того, что в тебе проявляется? Голоса рода, как ты это чувствуешь?

Лада вздрогнула, будто я дотронулся до открытой раны.

— Это... как болезнь, — прошептала она. — Обычно — я просто я. Но есть триггеры... Сильный стресс. Попытка противостоять воле отца напрямую или его приказ. Нахождение у родовых артефактов. И... и иногда, когда я очень сильно чего-то хочу для себя. Не для рода, а для себя. Тогда... тогда приходят они. Чтобы напомнить, кто я. Чтобы исправить.

Она обхватила себя руками, будто ей стало холодно.

— После архива... они стали громче. Ближе. Как будто я их разбудила по-настоящему, и теперь они не уснут.

Она умолкла, и в тишине комнаты было слышно лишь потрескивание углей в камине. Откровенно. Выложила на стол все свои карты, доверилась мне.

Я внимательно смотрел на нее, на ее сжатые плечи, на страдание в глазах. Я обещал ей помочь и я помогу.

Я послал флюиды безопасности в ее поле: «Все хорошо. Ты в безопасности.»

— Хорошо, — сказал я. — Первое: докладывать им ты ничего не будешь. Мы составим для тебя легенду — что-нибудь правдоподобное. Будешь говорить то, что они хотят слышать, но без конкретики. Сможешь?

— Да, — мгновенно ответила она, немного расслабившись, — смогу.

— Второе: твоя «болезнь». Для начала мы найдем способ поставить ее под контроль, установить внутренние границы. Для этого мне нужен доступ к знаниям. Твоим и тем, что я забрал. Ты готова работать со мной? Учти, что это будет довольно опасно.

Лада подняла на меня взгляд. В ее глазах вспыхнула новая эмоция — острый голод по свободе и по своему собственному «я».

— Да, — выдохнула она. — Готова. Очень хочу выбраться из этой клетки.

— Тогда начинаем завтра, — сказал я, поднимаясь с кресла, давая понять, что разговор окончен. — Сейчас нам обоим нужен отдых. И, Лада... Спасибо, что не дала нанести им тот последний удар по мне. Ты чуть не убила себя тогда.

Она тоже встала и ласково улыбнулась.

— Ты того стоишь, — тихо ответила Лада. — Тебе тоже спасибо, что сдержал слово и забрал меня от родителей.

Я медленно кивнул. К горлу подкатил ком и я никак не мог с ним справиться.

Лада вернулась в свою комнату, бесшумно закрыв дверь.

Я встал еще затемно и провел базовый комплекс: растяжка, силовые упражнения на пределе возможностей нового тела, дыхательный цикл по «Практикуму», набор Всеначальной Энергии. Ощущения были странными: поток шел легко, но где-то в глубине, в самой крови, оставался чуждый, вязкий осадок. Я игнорировал его, сосредоточившись на создании настроев на силу и активность.

Отзанимавшись, я сел за стол, взял листы бумаги и написал два коротких письма. Теперь нужно поговорить с бывшим чистильщиком Тайной Канцелярии. Я нашел Тихона в конюшне.

— Тихон, — позвал я, останавливаясь в воротах.

— Ваше сиятельство, — кивнул он.

— Нужны сведения. Три направления. Багрецовы. Все слухи, финансовые схемы, долги, скрытые активы, внебрачные связи. Любые нарушения Ментального Регламента, даже столет-

ней давности. Волыньские. В том числе Лев Волыньский и его покровитель Любищев. Их влияние в Канцелярии, слабые места, амбиции. Сам Любищев. Его прошлое, цели, слухи, отношения со Строгановым.

Тихон молча кивал.

— И передай письма, — я протянул ему конверты. — Адресаты указаны.

Тихон взял конверты, быстро глянул на них и поднял на меня удивленный взгляд.

— Будет сделано, — глухо произнес он.

Вопросов не задает. Это хорошо.

— Жду к вечеру первую информацию.

После Тихона я направился в кабинет отца. Он оказался заперт, а отца я нашел в библиотеке, сидящем в кресле у камина с большой чашкой чая. Мы перекинулись с ним приветствиями и парой фраз, а я тоже налил себе чаю и сел рядом с ним.

— Говори, — сказал отец, отпивая из чашки.

— Угрозы по степени опасности и срочности, — начал я, выстраивая в голове список угроз и методов противостояния им. — Первое и самое опасное: контроль крови Тайной Канцелярии. Наша легенда после обряда не выдержит даже поверхностного сканирования. Они найдут следы чужеродности. И тогда чистка.

Отец не донес чашку до рта и вполголоса выругался.

— Вторая угроза: Багрецовы, — продолжал я. — Гордей попытается вернуть меня — свою «инвестицию». Варианты: давление через Герольдию о «невыполнении условий брака», ментальный штурм или различные провокации. Возможно, у них есть еще рычаги давления на наш род.

— Есть... — тихо произнес отец, глядя куда-то вниз.

Я сделал большой глоток чая и продолжил:

— Третья: Александр Строганов. Он не остановится. Он будет давить, чтобы получить доступ к моему сознанию «в научных целях». И, наконец, связка Волыньский-Любищев. Они видят в нас слабое звено, через которое можно ударить по Багрецовым, а заодно и по Строганову, убрав его «протезе». Их атака будет юридически безупречной и политически мотивированной.

Отец тяжело вздохнул, потер переносицу.

— Похоже, что у тебя есть план. Говори.

— Да, есть. Нам нужно то, что перевернет все фигуры на доске. Что-то, что заставит Канцелярию и Герольдию трижды подумать, прежде чем сунуться, — я посмотрел отцу прямо в глаза. — Для этого нужно полностью раскрыть наследие Нестеровых. Родовые пластины. Мне нужен доступ. Настоящий. Тот, о котором ты мне еще не говорил.

Григорий Вячеславович вздрогнул, будто от удара.

— Ты не знаешь, о чем просишь... Твоя мать...

— Мать попыталась сделать это в одиночку и погибла, — жестко прервал я. — У меня нет выбора. И я не один, мы объединим усилия.

Отец молчал, глядя в огонь.

— Отец, мне нужен настоящий доступ к родовым пластинам, — настойчиво повторил я. — Настало время восстановить нашу родовую мощь.

Граф Нестеров продолжал сосредоточенно пожирать взглядом огонь в камине. Я ждал. Я чувствовал, что у него должен быть туз в рукаве, который он не умеет сам разыграть. Мой эмпатический радар кричал об этом.

Ну давай, решайся. Дай мне настоящий ключ к архивам рода Нестеровых.

Отец медленно поднялся с кресла.

Глава 7

— Ты просишь то, чего у меня нет, Ярослав, — сказал глухо отец, не глядя на меня. — У меня нет никакого ключа к родовым пластинам. И не было никогда.

Я чувствовал, как нелегко ему далось это признание. Это как мужчине сказать, что он не мужчина. И в тоже время мой эмпатический радар улавливал другое.

— Отец, — сказал я, — я чувствую, что у тебя все-таки что-то есть. Чувствую, что ты что-то упускаешь. Может быть, это как-то связано с мамой?

Он замер, его глаза на мгновение расширились. Есть попадание, отец что-то вспомнил. Через пару секунд он протяжно выдохнул и закивал головой.

— Да-да-да. Это может быть только это. Ярослав, похоже, ты прав. Я думаю, что понял, что это. Твоя мать никогда не расставалась с одной книгой. Даже когда... — он замолчал и махнул рукой. — Пойдем в кабинет, покажу.

Мы молча прошли по холодным коридорам в его кабинет. Отец запер дверь на ключ, подошел к книжному шкафу, сдвинул несколько тяжелых фолиантов по истории Империи и достал оттуда толстую книгу в потертом кожаном переплете.

Отец бережно, почти с трепетом, положил книгу на стол передо мной.

— Это ее книга, называется «Стояние ума», — произнес он тихо. — Она досталась матери от ее отца. Анна говорила, что книга позволяет входить в разные состояния сознания, которые, в том числе, позволяют работать с пластинами рода. Похоже, что это и есть ключ, который ты ищешь.

Успех. Вот оно — то, что я искал. Внутренние состояния, позволяющие настроить собственное восприятие. Считывать пластины Нестеровых можно только из особого, измененного состояния сознания. Это прорыв.

Я взял книгу в руки. Кожа переплета была шершавой и теплой, будто впитавшей годы прикосновений. Я открыл ее, перебирая пальцами листы пожелтевшей, плотной бумаги и запустил импульс психометрии для поиска энергетических следов.

Книга отозвалась немым гулом концентрации, тишины и, неожиданно, печали. Отпечаток матери был на ней повсюду, но некоторые страницы светились в моем восприятии ярче. Я быстро нашел их: углы были затерты от частого перелистывания, поля испещрены аккуратными, бисерными заметками черными чернилами. Ее почерк.

Я пробежался глазами по тексту. Сложные, почти поэтические описания ментальных дисциплин: «отрешенное созерцание», «тишина между мыслями», «пространство до реакции». И на полях, рядом с абзацем о «состоянии чистого зеркала», ее пометка: «Вход! Стать никем, чтобы увидеть все. Не пытаться понять, позволить отразиться.»

Мое сердце забилося чаще — на меня накатило возбуждение, как у охотника, увидевшего дичь. Я нашел страницу для входа в пластины.

— Спасибо, отец, — сказал я, встречая его тревожный взгляд. — Это именно то, что нужно.

— Что ты собираешься делать? — спросил он, и его голос сорвался.

— То же, что и она.

Отец хотел что-то сказать — возможно, попросить меня быть осторожным, — но слова застряли у него в горле, и он лишь кивнул, снова опускаясь в свое кресло.

Времени на раскачку нет — нужно срочно понять как работают пластины. Я поднялся в свои новые покои, сел за стол и открыл книгу. Методики «отрешенного созерцания» и «тишины между мыслями» звучали как абстрактная философия, но пометки матери придавали им практическую направленность.

Моя психометрия сразу уловила то состояние сознания, в которое требовалось войти. Нужно было не думать, а ощущать. Не анализировать, а позволять. Для разума, заточенного под постоянный анализ, контроль и действие, это было противоестественно.

Я перечитывал одни и те же абзацы, пытался следовать инструкциям по дыханию и концентрации — но ничего не получалось.

Я перепробовал все виды успокоения ума, которые знал из своего прошлого опыта. Аутогенную тренировку с формулами тяжести и тепла, которая на прошлой службе помогала заснуть после двойных дежурств. Получалось расслабить мышцы, но разум оставался стянутым в тугую, бдительный узел.

Пробовал медитации осознанности — наблюдать за мыслями, как за облаками. Но мои «облака» были не плывущими абстракциями, а четкими, отточенными докладами, схемами, протоколами действий. Наблюдение за ними лишь заставляло анализировать их эффективность, порождая новые.

Глубокое расслабление, йогические пранаямы для успокоения нервной системы — тело отзывалось, дыхание выравнивалось, но где-то в глубине, в самой сердцевине сознания, оставалась несгибаемая стальная пружина. Инстинкт бойца, который позволял Алексею Воронцову выживать в сотнях пси-атак.

Кроме того, проблема была не в методе, а в фундаменте. Тело Ярослава Нестерова — измученное, травмированное, с затравленной психикой — не умело расслабляться на глубинном уровне. Оно десятилетиями существовало в режиме постоянного стресса: ожидания удара, унижения, провала. Даже когда мое сознание приказывало мышцам отпустить напряжение, подсознание тела панически сжималось, словно готовясь к новой оплеухе отца или насмешке брата.

Я пытался обмануть организм. Дышал глубоко и медленно — тело отвечало поверхностной дрожью в кончиках пальцев. Визуализировал покой — перед внутренним взором всплывали картины провала на экзамене, падения с лошади, пустых, полных презрения глаз Владимира. Это была не медитация, а погружение в ад собственных мемуаров унижения. Тело повреждено, психика травмирована. Боевой оперативник заперт в оболочке с искореженной нервной системой. И ключ к пластинам лежал через исправление того, что нельзя было исправить силой воли за несколько часов.

Прошел час. Два. Три. Я был как человек, пытающийся уснуть в горящем доме. Знание, что от этого зависит все, лишь усиливало напряжение. Каждая неудачная попытка отзывалась горечью поражения и тревогой: а что, если у меня не получится? Что, если дар матери был чем-то уникальным, чего мне никогда не достичь?

Мысли пустились по опасному кругу: без силы Нестеровых я не смогу защитить Ладу, отбиться от Багрецовых, выстоять против Канцелярии. Я снова стану той пустой оболочкой, куклой, которую сотрут.

Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Нет. Я не сдамся. Я смогу.

Но это был крик моей воли — та самая пружина, которая и мешала войти в это состояние. Замкнутый круг.

Я откинулся на спинку стула, уставившись в потолок. Может, нужен другой подход? Не бороться с сопротивлением, а обойти его? Но как обойти самого себя?

В этот момент тупика и предельного внутреннего напряжения в дверь тихо постучали.

— Да, — буркнул я, не отрывая взгляда от текста, вернее, уже от пустоты перед собой.

Дверь приоткрылась и я услышал тихий голос Лады:

— Я помешала?

— Да, помешала, — не оборачиваясь ответил я. — Я работаю.

— Мне не хочется быть одной, — сказала она еще тише. — Можно я просто побуду с тобой? Я тихо.

Невовремя — придется отвлекаться на ее поле и мысли. С другой стороны, я должен уметь работать в любых условиях: с посторонними, под давлением, в шуме. Если я не могу игнорировать одно присутствие, то какой из меня специалист?

— Хорошо, — нехотя согласился я, наконец подняв на нее взгляд. — Только тихо.

Она кивнула, подошла к дивану у окна и устроилась на нем с ногами. Я снова погрузился в книгу, пытаюсь поймать постоянно ускользающее от меня состояние «чистого зеркала». Прошло еще полчаса — бесплодно: крохотное раздражение начинало подтачивать мою концентрацию.

И тут я почувствовал тончайшее, едва уловимое изменение в энергетическом фоне комнаты — оно исходило от Лады. Она каким-то образом вошла в то самое состояние внутреннего покоя, которое я безуспешно искал. Ее волевое поле, обычно сжатое и тревожное, мягко растелилось по комнате, как тихая гладь озера. И в этой гармоничной, безмятежной пустоте мой собственный шумный разум начал казаться инородным, кричащим телом.

Я перестал бороться и ухватился за внешнее спокойствие, следуя инструкциям матери. Не думать. Наблюдать. Быть точкой восприятия.

На мгновение у меня получилось поймать то самое состояние, которое с считал с книги матери. И тут же мой разум снова включился и все пропало. Впрочем, этого было достаточно — теперь я понял механизм.

Я медленно перевел взгляд с книги на Ладу. Она сидела все так же неподвижно, глядя в окно, но, почувствовав мой взгляд, повернула голову. Наши глаза встретились.

Я послал ей тонкий энерго-информационный импульс: «Спасибо». Ее глаза чуть расширились, легкая улыбка тронула уголки ее губ. Поняла. Да, она чувствительная, очень чувствительная.

Я склонил голову набок, глядя на нее новыми глазами. Интересно. Похоже, ее природная, подавленная годами способность к внутреннему покою стала катализатором: за полчаса она сумела — осознанно или неосознанно — войти в то состояние, над которым я целенаправленно бился часами.

Так, надо снова войти в это состояние вместе.

Я открыл было рот, чтобы сказать об этом, — и в тот же миг меня накрыло волной внезапного, иррационального желания оказаться в имении Багрецовых. Это жажда быть с Багрецовыми сделалось таким острым, что у меня свело желудок.

Я взглянул на Ладу. Она сжалась на диване и обхватила себя руками. Ее лицо побелело.

— Я хочу домой, — заявила она чужим, капризным голосом. — Мне здесь плохо, отвези меня к родителям.

Ментальная атака — Багрецовы включили родовую связь. Примитивно, но на эмоциональной почве это довольно эффективно. Надо срочно гасить. Я встал из-за стола и подошел к ней.

— Лада, это не твое желание, — твердо сказал я. — Это действуют твои родители, чтобы нас вернуть.

— Нет! — воскликнула она и резко вскочила. — Ты ничего не понимаешь! Здесь все чужие, а там меня любят и ждут. Отвези меня обратно, сейчас же!

Она говорила на повышенных тонах, голос срывался на визгливые нотки. Истерика, как при гормональном сбое или перед месячными. Классическая манипуляция через эмоции — вызвать чувство вины, беспомощности, желание «успокоить». Не поддаваться. Спокойствие и четкие границы. Я — скала, о которые разбиваются ее сопли.

Мое собственное тело тоже отзывалось на зов крови, в висках стучало, накатила тоска. Я загнал это чувство в дальний угол сознания. Помеха, шум. Игнорировать.

Я быстро сократил дистанцию между нами и заполнил поле Лады своей энергией.

— Молчать, — приказал я.

Она захлебнулась на полуслове, удивленно хлопая глазами. Эффект был мгновенным, как будто на нее вылили ведро ледяной воды.

— Ты не хочешь домой, — медленно и четко произнес я, забивая в ее сознание каждое слово. — Это атака и ты ей поддаешься. Не надо так. Сядь, закрой глаза и дыши. Я помогу.

Лада всхлипнула и опустила на диван, закрыла лицо руками. Утешать здесь не надо — это потакание слабости. Я сел рядом, не касаясь ее, и направил в ее поле стабилизирующий импульс «Шепота» четкий приказ: «Успокойся. Возьми контроль».

Пока она боролась с собой, я активировал «Взгляд орла» на полную мощность.

Есть. Нашел. Материальный источник, который сильно энергетически фонит. Что-то материальное.

Мой взгляд скользнул по ее платью, волосам, рукам и остановился на тонкой серебряной цепочке на ее шее с маленьким, темно-красным кулоном в виде капли.

Вот он — антенна и усилитель. Видимо, родовой артефакт Багрецовых.

— Лада, что это за кулон?

Она с трудом оторвала руки от лица, посмотрела на меня и нащупала пальцами кулон на цепочке.

— Это мама дала, когда я выходила замуж, — сказала она. — Частица родового кристалла, чтобы связь крепче была.

— Сними его, — приказал я.

Она замерла, в ее глазах вспыхнул страх. Боится нарушить материнский наказ.

— Лада, — жестко повторил я. — Сними. Или я сниму его сам.

Она дрожащими пальцами расстегнула крошечный замок, сняла цепочку с кулоном и положила ее на диван. И как только контакт кулона с ее кожей прервался, гнетущая тоска, давившая на меня, ослабла наполовину. Я почувствовал, что и истеричный настрой Лады тоже стал стремительно испаряться.

Я взял кулон и завернул его в носовой платок, изолируя дополнительно ментальным экраном. Атака не прекратилась полностью — связь через кровь оставалась, — но потеряла фокус и силу.

Лада сидела чуть не плача.

— Прости, — тихо сказал она. — Я не знаю, что на меня нашло.

— Все в порядке. Теперь ты знаешь. У твоих родителей есть рычаги и мы будем эти рычаги ломать. Но для этого мне нужно закончить с книгой. Сможешь снова мне помочь?

Она руками по лицу, глубоко вдохнула и кивнула.

— Отлично, тогда продолжаем.

Я снова снова сел за стол и открыл книгу матери. Теперь, зная точку входа и имея живого проводника в нужное состояние, работа пойдет быстрее.

— Лада, — сказал я, не отрывая взгляда от страницы с пометками матери. — Войди в то состояние, в котором была только что. Тишина и безмятежность. Тебе это тоже сейчас полезно.

Она кивнула, закрыла глаза. Я наблюдал за ее полем: сначала оно было рябым от остатков истерики и стыда, но постепенно, с каждым выдохом, оно успокаивалось, выравнивалось, становясь той самой гладкой поверхностью.

Хорошо. Я перестал бороться со своим внутренним диалогом и направил внимание наружу, на это поле покоя, как на якорь. На этот раз получилось быстрее. Мысленный шум отодвинулся, стал фоновым, как шум города за окном.

Я вошел в состояние безличного наблюдателя.

В этом состоянии я уже не был ни Ярославом, полным обид, ни Алексеем, перегруженным оперативными схемами. Я был просто наблюдателем. И в этом состоянии книга «Стояние

ума» предстала в новом свете: я увидел замысел, вложенный в нее ее создателем, — тренажер, набор ментальных рычагов и настроек для тонкой перенастройки сознания.

Отлично. Нужно проверить гипотезу сейчас. Я отложил книгу и, все еще находясь в неустойчивом состоянии наблюдателя, потянулся к ящику и достал первую пластину — «Щит новичка». Я положил ее перед собой, прижал ладони к шероховатой поверхности обсидиана. Состояние начало распадаться, но я проигнорировал это. Направил в пластину сфокусированный луч своей воли с требованием: «Откройся. Покажи».

Эффект был мгновенным и болезненным. Пластина не только не открылась, она оттолкнула с холодной, безразличной силой, как магнит, отталкивающий одноименный полюс. Мой ментальный шуп не нашел зацепки и соскользнул с поверхности. Одновременно из глубины кристалла ко мне пришел простой, безэмоциональный импульс, похожий на системное сообщение об ошибке: «Несоответствие протокола доступа. Параметры сознания оператора: активное, навязывающее. Требуемые параметры: разрешающее, нейтральное.»

Я отдернул руки, как от удара током. Состояние наблюдателя испарилось. Этот провал, однако, стал лучшим учителем: теперь я физически почувствовал разницу. Пластины Нестеровых были не сейфами, которые нужно взломать, а чувствительными инструментами, которые настраивались на определенный тон сознания.

Хорошо. Повторим.

Через некоторое время я снова вошел в состояние наблюдателя, углубил его и стабилизировал. Положил руки на пластину.

Есть контакт.

Перед внутренним взором возникло ощущение нестигаемой, древней стойкости. Я услышал голос, который возник прямо в сознании: «Ты пришел с вопросом о защите. Защита — в состоянии отказа быть сдвинутым. Покажи намерение, что ты не можешь быть сдвинут.»

Интересно. Что-то похоже мы делали в центре — конструктор, ментальная программа-хранитель, вшитая в пластину. Это испытание, которое мне нужно пройти.

Хорошо, я покажу тебе неподвижность. Я направил это качество в пластину как факт своего бытия. Я — скала. Волны могут биться о меня, не принося вреда, сколь угодно долго.

Пластина приняла это состояние как пропуск — и информация хлынула внутрь меня.

Глава 8

С таким я еще не сталкивался. Ни в одной базе Центра психической безопасности, ни в одном отчете об экспериментах с пси-интерфейсами ничего подобного не значилось. Я столкнулся не с передачей каких-то данных, а с прямым трансфером опыта.

Я познал «Несокрушимый Фундамент» по-настоящему. Познал мгновенно и целостно — на уровне мышечной памяти, о которой я даже не подозревал. Я почувствовал, как энергия течет по меридианам не по схематичным стрелкам из книги, а живой и теплой рекой, огибающей естественные пороги тела.

Я понял изнутри, что эта стойка — это не застывшая поза из «Практикума», а бесконечно адаптивное состояние, меняющееся с каждым ударом сердца и каждым смещением центра тяжести. Можно стоять прямо, можно сидеть, можно даже падать — и все равно оставаться несдвигаемым, потому что «фундамент» строится не в ногах, а в самой воле, в непоколебимом решении быть скалой.

Весь этот объем — годы тренировок, озарений и опыт какого-то забытого мастера Нестеровых — влился в меня за три удара сердца.

Трансфер оборвался.

Я вырвался из состояния наблюдателя, словно из ледяного водоворота, и медленно открыл глаза. Лада сидела напротив: бледное лицо и огромные глаза, полные тревоги и любопытства.

— Получилось? — еле слышно спросила она.

Я попытался ответить, но сначала из горла вырвался лишь хрип. Я сглотнул, ощущая новую, непривычную согласованность всех частей собственного тела.

— Да, — с трудом ответил я. — Получилось.

Я посмотрел на руки, потом на потускневшую, казалось бы, обычную пластину на столе. Внутри бушевал почти детский восторг. Это революция. Все, чему я учился раньше — техники Центра, моё освоение Волеведения по книгам — было восхождением на гору ночью через бурелом. А то, что я пережил сейчас, — скоростной подъем на вершину на фуникулере.

Я взял пластину и широко улыбнулся. «Несокрушимый фундамент» в подлинном виде — абсолютная стабильность ядра. Для ревизии крови Канцелярии это могло стать непреодолимым барьером: если их зонд пытается раскатать мою сущность и найти трещины, фундамент ответит полным, немислимим покоем. Они не прочитают ничего, кроме того, что я позволю.

Эти пластины — ключ к моему могуществу. У меня перехватило дыхание от открывающихся возможностей. Если техники можно передавать так, то что еще хранят пластины? Чужие ментальные состояния для маскировки? Методы тончайшего влияния, перед которыми мой «Шепот» — детская забава? Способы работы со временем, с памятью, с самим пространством сознания? Пределов нет.

И все это теперь было в шаге от меня — при условии, что я сумею воспроизвести нужные ключевые состояния для доступа. А я сумею. И Лада мне в этом поможет. Я повернулся к своей молодой жене.

— Лада, спасибо тебе, — сказал я, глядя на нее с искренней благодарностью. — Твое присутствие ускоряет процесс. Без тебя я бы потратил дни, если не недели.

Лада смущенно опустила взгляд, и уголки её губ дрогнули в радостной улыбке.

— А что ты сделал? — она посмотрела на меня снизу вверх, ее любопытство пересилило смущение. — Ты просто смотрел в эту пластину.

— Не только смотрел, но и вошел сознанием в нее, — поправил я. — В ней хранится опыт предка: его понимание техники, его мышечная память, его ментальное состояние. Я настроил

свое сознание на нужную волну и получил доступ. Сейчас я знаю «Несокрушимый фундамент» так, будто тренировал его каждый день на протяжении двадцати лет. И это только начало.

Глаза Лады расширились от изумления.

— То есть, если ты сможешь войти в другие пластины...

— То я освою весь арсенал рода Нестеровых, — закончил я за нее. — В том числе техники, которые сейчас считаются утраченными или невозможными. И не только моего рода, но и твоего.

Лада застыла, глядя на меня, и в ее широко раскрытых глазах отразилась целая буря: сначала — шок от масштаба сказанного, затем — восхищение, как будто я на ее глазах сдвинул гору. В ее поле я уловил волну трепета и что-то горячее, личное — это заставило её быстро опустить взгляд, скрывая румянец.

— Я рада, что помогла, — сказала она тихо. — Что дальше?

— Что дальше? — переспросил я, вставая я и подходя ко окну. — Первая и главная задача — обезопаситься от ревизии крови Тайной Канцелярии. Если она случится.

Я сделал паузу, анализируя ситуацию. Родовой обряд мог обезопасить меня от ревизии Канцелярии, а мог и нет. Освоенный «Несокрушимый фундамент» уже был мощным щитом: он позволял зафиксировать ядро сознания, сделать его нечитаемым для грубого сканирования. Но ревизия, скорее всего, — точечная процедура. Она может работать иначе, идя по генетическим каналам, по самым тонким связям между душой и телом.

— Освоенная техника серьезно поможет, — сказал я, — но нужно действовать на более глубоком уровне. Надо снять с нас обоих последствия родового обряда, очистить кровь и найти способ навсегда закрыть ее от постороннего чтения.

Я подошел к столу, открыл ящик и достал обсидиановые пластины с архивами Багрецовых. На трех из них был слепок со страниц «Канона чистоты крови», а на четвертой — полная копия центрального кристалла.

— Здесь информация с архивов твоего рода, — сказал я, кладя пластины на стол. — Сможешь прочитать?

Лада медленно подошла к столу, ее пальцы нерешительно повисли над холодной поверхностью обсидиана.

— Меня в архив не пускали, — призналась она тихо. — Отец говорил, что это знание — для продолжателя рода, для Глеба. Но я видела, как он занимался, слышала, о чем они говорили с отцом: про «связывание», про «отслеживание», про то, как поставить печать, которую не стереть.

Она закрыла глаза, положив ладонь на первую пластину. Ее лицо стало сосредоточенным, почти отрешенным. Я наблюдал, как ее поле из робкого и трепещущего превращается в тонкий, направленный луч. Она не владела психометрией, но у нее было что-то иное — врожденное, интуитивное чувствование энергии крови и воли, пронизывающей ее род.

Через минуту она открыла глаза.

— Здесь книга «Канон», — сказал Лада и отложила в сторону три пластины. Затем положила руку на четвертую пластину и ее дыхание сразу же сбилось. — А здесь копия «Венца единения». Читать пока не могу...

Она отняла руку, вздрогнув, и посмотрела на меня.

— Если ты хочешь защититься от ревизии крови, то ищи не в «Каноне», а в «Венце». Там должен быть ключ.

Отлично, она сэкономила мне кучу времени.

— Понял. Начинаю.

Я положил обе ладони на холодную поверхность пластины-копии «Венца единения». Глубоко нырять слишком опасно. Сначала — разведка.

Я быстро вошел в состояние наблюдателя и чуть прикоснулся сознанием к пластине.

Передо мной было нечто вроде идеального энергетического слепка. Сеть из силовых линий, сплетенных из воли десятков поколений, сходилась к единому, ослепительно-холодному ядру — кристаллизованной матрице принципа абсолютного контроля. Это был самый сложный архив, статичный отпечаток, к которому нужно подобрать ключ.

Мой мысленный зонд метнулся вдоль периметра, ища то, о чем говорила Лада — слабое место, изъян. И я его увидел. В идеальной, отполированной до зеркального блеска структуре были точки сопряжения — места, где энергетический отпечаток одного предка стыковался с отпечатком другого. Это и были возможные точки входа. Но чтобы не просто найти их, а использовать — проникнуть в саму архивную матрицу, не будучи немедленно распознанным и отброшенным, — нужны были особые инструменты.

Мне требовались два навыка, которых у меня сейчас не было. Первый — умение настраивать свое ментальное поле на точную, чуждую мне частоту, чтобы замаскироваться под один из «отпечатков» в матрице, стать для системы частью архива. Второй — невероятно тонкий, хирургический «инструмент считывания» для работы внутри сложной чужеродной записи, чтобы не разрушать ее, а аккуратно извлечь и скопировать нужный фрагмент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.